

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Дудина

Пение птиц в положении лёжа

Ирина Дудина

Пение птиц в положении лёжа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59984233

SelfPub; 2020

Аннотация

О самом приятном, о самом отвратном, о самом достойном, о самом постыдном, о самом красивом, о самом ужасном, о самом счастливом и самом несчастном. Изящные записки о том, что нас окружает. Литература по-настоящему женская и совсем нефеминистская. Содержит нецензурную брань.

Содержание

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ	7
БЕЗОБРАЗНОЕ	8
ОБМАНЫВАЮЩЕЕ ПРИЯТНО	9
ПРИЯТНОЕ	10
НАДРЫВАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ	11
ГРУСТНОЕ	12
ВЕСЁЛОЕ	13
РАДОСТНОЕ	14
ПЕЧАЛЬНОЕ	15
ЕЩЁ ПРИЯТНОЕ	16
НЕОБЪЯСНИМОЕ	17
ТРАДИЦИОННОЕ	18
НЕОЖИДАННОЕ	19
ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СОЧУВСТВИЕ	20
НЕОБЪЯСНИМОЕ	21
ВЫЗЫВАЮЩЕЕ УЛЫБКУ	22
ПРИВЛЕКАЮЩЕЕ ВНИМАНИЕ	23
САМОЕ УЖАСНОЕ	24
РАЗОЧАРОВЫВАЮЩЕЕ	25
НЕПЛОХОЕ	26
ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СЛЁЗЫ НА ГЛАЗАХ	27
ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ПОМУТНЕНИЕ РАССУДКА	28
ТРЕБУЮЩЕЕ ОБЪЯСНЕНИЯ АСТРОЛОГА	29

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РАЗМНОЖЕНИЯ	30
ЗАСАСЫВАЮЩЕЕ В ПРОПАСТЬ	31
ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ЧУВСТВО ЖИЗНИ НА 90 %	32
ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КАЛОРИЙ	33
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАРОВ СУДЬБЫ	34
О НЕУДАЧАХ	35
О ВОЗВРАТИВШЕМСЯ МУЖЧИНЕ	37
О ХИРОМАНТЕ	38
ЕЩЁ О ХИРОМАНТЕ	39
ЕЩЁ О ПРИВЛЕКАЮЩИХ ДЕВУШЕК	40
О ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ ДЕВУШКИ	42
ЕЩЁ РАЗ О ТРЕБУЮЩЕМ ОБЪЯСНЕНИЯ АСТРОЛОГА	44
ОБ УЛЫБАЮЩИХСЯ	46
ЕЩЁ ОБ УЛЫБКЕ	48
О ТЕРПЕНИИ ЛЮБВИ	50
ОТ ЧЕГО МОЖНО УСПОКОИТЬСЯ	51
О ПЕРЕПЁЛКАХ	53
О СТРИГУЩЕЙ МАШИНКЕ	54
О РАЗОБЛАЧАЮЩЕМ	55
О КАТАНИИ НА СЛОНАХ	56
О ДАРАХ МУЖЧИН	60
О ЖАДНОСТИ	63
О ХИТРОМ НЕГРЕ	64

О ЗАВИСТЛИВЫХ	66
О ПРОФЕССОРАХ	68
О ГЛОБАЛЬНОЙ СКУКЕ	70
О ПУТИ ПО ИГРАЛЬНЫМ КАРТАМ	72
ЕЩЁ О ЖАДНОСТИ	74
ОПЯТЬ О НЕОПУСКАЕМОМ ЧЛЕНЕ	75
О ЗМЕЕ	76
О ТОМ, ЧЕГО НЕ ИСПРАВИШЬ НИКОГДА	78
О НЫНЕШНИХ И ПРЕЖНИХ ДЕВУШКАХ	80
О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТАХ	81
ОБ ОТЛИЧИИ БЛЯДИ ОТ ПРИЛИЧНОЙ ДЕВУШКИ	83
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ	84
О ДЕВУШКЕ-ФИЛОСОФЕ	86
ОБ ОТЛИЧИИ ПРОСТОЛЮДИНА ОТ БЛАГОРОДНОГО	88
О ЗЕБРЕ	90
О ДОСТИГНУВШЕЙ ТРУДНОЙ ЦЕЛИ	92
ТАЙНА СТАРУШКИ	93
О МОЛОДЕНЬКОМ ЕЛЬЦИНЕ	95
О БЛИЗКОМ В ТОЛПЕ	97
О РАЗЛИЧИЯХ	98
О КАТАНИИ НА ЛОШАДИ, НА МОТОЦИКЛЕ	99 103
О ПРИЯТНОМ ВЕДОВСТВЕ	104
ПЕРРОН	107

ОБ ОПАСНОСТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ В ПРИНЦЕССУ	108
ЕЩЁ О НЕПРИЛИЧНОМ ПОВЕДЕНИИ В ГОСТЯХ	111
О СПОСОБЕ УТОЛИТЬ ЖАЖДУ	114
О ВЫПИВАНИИ НА ТРОИХ	117
О ТОМ, ЗАЧЕМ МАТЕРИ НУЖНА ДОЧЬ	118
О СИММЕТРИИ, НИСПОСЛАННОЙ СВЫШЕ	120
ВОВЛЕЧЕНИЕ В ИГРУ СИММЕТРИИ	122
О РАЗОБЛАЧЕНИИ ТАЙНЫ НАЧАЛЬНИКА.	123
ОБ АБСУРДНОМ ПЕНИИ ХОРОМ	125
О ТОМ, КАКИХ ЖЕНЩИН ЛЮБЯТ	127
О СМЕРТИ ОТ ЛЮБВИ	130
ОБ ОТЛИЧИИ ЕВРЕЙСКОГО И РУССКОГО МУЖЧИНЫ	131
О НЕМЕЦКОЙ ЛЮБВИ	133
О ЛЮБВИ КУЛЬТУРИСТА	136
ТАЙНА МАЛЕНЬКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА	138
КРАСОТА И ПОЛЬЗА	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ

Когда по улице идёт молодой красивый мужчина, хорошо одетый, и ведёт за ручку своего крошечного сына – лет 2 – 3, сдерживая свой шаг и прилаживаясь покорно и без раздражения к его маленькой неровной поступи.

Когда про кого-то можно сказать, что этот человек занимает своё место.

БЕЗОБРАЗНОЕ

Когда по улице идёт женщина, одетая в красивую и дорогую одежду, недавно купленную, а с ней рядом идёт её ребёнок – мальчик или девочка лет 11 – 12, одетый во всё старое, изношенное, с чужого плеча, в полуразорванных сапожках.

Когда женщина курит на детской площадке от скуки, пока её ребёнок ползает по горке или копается в песочнице.

ОБМАНЫВАЮЩЕЕ ПРИЯТНО

Когда встречаешь на улице женщину – в возрасте, но хорошо сохранившуюся, ухоженную, с маленьким хорошеньким ребёнком, и думаешь, что это её внук, а оказывается – это её сын или дочь. Также приятно, когда так думаешь про мужчину.

ПРИЯТНОЕ

Без детей, без хозяйственных сумок, с пустыми руками,
быстро нестись по улице куда-то.

НАДРЫВАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Вечером одной, без дела, без цели, оказаться на Невском, когда уже чернота, блещут витрины, а пойти некуда.

ГРУСТНОЕ

Когда человеку больше 40, а он ездит в метро.

ВЕСЁЛОЕ

Когда кто-то на улице начинает знакомиться с тобой.

РАДОСТНОЕ

Когда приходишь домой, а навстречу бежит радостно улыбающийся сын с хорошей новостью о своих успехах в школе.

ПЕЧАЛЬНОЕ

Когда думаешь – надо вырвать на хрен больной зуб, всё равно не вылечить, только деньги зря потратишь, а ночью вдруг начинает болеть другой, никогда не болевший зуб. И понимаешь, что лечи не лечи, а его тоже когда-нибудь придётся вырвать.

Когда в прихожей думаешь перед зеркалом – какая я красивая, а потом вдруг видишь своё лицо вблизи. В ярко освещённой комнате.

ЕЩЁ ПРИЯТНОЕ

Молодой мужчина, зашедший в церковь помолиться.

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Ночью, в 4 утра, по улице куда-то идёт мужчина и ведёт за руку ребёнка лет 5, возбуждённо разговаривающего. Куда? На поезд? У него нет в руке ни сумки, ни чемодана. В детский сад? Он ещё закрыт. В гости? Или мама в запое? Или этот мужчина – извращенец или маньяк? Просто вышел на прогулку? Найти ответ невозможно.

ТРАДИЦИОННОЕ

Идёт по улице мужчина с женщиной – иногда с очень красивой, иногда просто с женщиной. А глаза его бегают по сторонам. Видно, что процесс не завершён. Что мужчина завистлив и всегда готов. Ведь он же был пионером в детстве, и его учили: «Будь готов – всегда готов!». Он всегда не прочь подыскать себе ещё кого. Никогда не скажет той, что рядом: «Ты самая лучшая из всех, потому что Я Тебя выбрал, потому что Бог мне Тебя дал». Он всегда готов, потому что не верит ни себе, ни ей, ни Богу. Боится, что его осудят другие за то, что у него не самая наилучшая из всех. Что такое самая наилучшая, кто такие другие? Ему следует ходить с резиновой Барби, которая никогда не старится, не болеет, не толстеет и не худеет. Всё равно осудят.

НЕОЖИДАННОЕ

Едем в гости по страшному серому городу, с грязными разрушающимися домами. По пыльному асфальту в колдобинах, под небом, сгустившимся в серое над дорогами, с мельканием серых деревьев без листьев над пепельными газонами в хламе. Торжество крысиной шкурки. Дно чистилища. Мелькает народ, одетый в серое, чёрное, старое или грязное. Приехали. Серый квадратный дом с незабываемым ароматом Петербурга – крепкий настой подвала, мочи и жареной картошки. Входим в квартиру. А там – светло. Солнечный луч в окне. Золото и лазурь перед закатом. Все вертикали, кроме дверей и дверец, завешены картинами. Лазурь, золото, рубин, изумруд. Уходящие в мелочь цветные миры. К тому же в этой квартире жили муж, жена и взрослая дочь, которые любили друг друга.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СОЧУВСТВИЕ

Недалеко от дверей бара 69, на котором написано «Только для взрослых» (бар для меньшинств – для братьев наших меньших) сидит на корточках оно. То ли юноша, то ли девушка. Молодое. Худенькое. Хорошо одетое. Вот ведь – приоделся. Может быть, просто все деньги потратил на то, чтобы одеться как противоположный пол. Может быть, даже сделал операцию, органов лишился, чтобы стать счастливее, привлекательнее. Отказался от продолжения рода, наплевал в душу прадедушкам и прабабушкам, трудившимся на брачном ложе до посинения ради него, далёкого и красивого потомка. А всё равно обломилось. Одиноко и печально, и счастья нет. Сиди и страдай под дверями, и никто не обращает внимания, идут мимо.

НЕОБЪЯСНИМОЕ

В метро в электричке едет рядом парень. Странный такой. В очках, с острым носом. В коричневой кожаной куртке с чётко прошитыми швами. С дыркой левее правого кармана в форме крокодилистой линии. Остановка. Вышел. Еду дальше. Через две остановки – опять входит. Не может быть. Как это? Не мог же он по тоннелю бежать... Я ошиблась, наверное. Нет, те же очки. Та же куртка. Та же крокодилистая линия левее правого кармана...

ЗАСТАВЛЯЮЩЕЕ ЗАДУМАТЬСЯ

У ларьков лежал на асфальте нестарый бомж. Бледный и весь дёргался. Все шли мимо и не обращали на него внимания. «Наверное, эпилептик», – подумала я. Через полчаса я возвращалась. Он лежал и не дёргался. Закоstenел. «Умер», – поняла я.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ УЛЫБКУ

Моя подруга собралась сделать у себя в квартире деревянные полаты – разделить на два этажа нишу в тёмном углу. Рассказала об этом своему кавалеру. Прошло две недели. В три часа ночи звонок в дверь. Он звонит. Она рассердилась. Он жалобно говорит: «Открой дверь. Я бревно для полатей принёс». Она открыла. Изумилась. Он приволок огромное хорошее бревно, метра два длиной. Говорит, шёл по берегу – смотрит, бревно. Действительно, мокрое, подсмоленное.

ПРИВЛЕКАЮЩЕЕ ВНИМАНИЕ

У нас была вечеринка. На следующее утро подруга пошла выносить мусор на помойку. Видит: белая мышка в синей жилетке возле бака. Протёрла глаза. Белая мышка в синей жилетке сидит, никуда не исчезает. «Ну всё, – решила подруга. -Пить надо меньше. Пора к врачу». Белая мышка в синей жилетке вдруг полетела и села на край бака, стала что-то клевать. Это был волнистый попугай – белый с синим.

САМОЕ УЖАСНОЕ

Ждать его звонка. Звонит телефон. Бежишь с капризной раздражённой физиономией, чтобы сказать в трубку презрительно: «А, это ты...», чтобы он не догадался, как ты ждала его звонка, как радуешься ему, хотя и не знаешь, о чём говорить с ним. А это не он. Другой мужчина, лучше его, умнее, красивее, выше ростом. Который лучше к тебе относится. Но не он. Заканчиваешь разговор торопливо. И опять ждёшь, ждёшь. И понимаешь, как дорог он тебе. За что? Почему? Ругаешь Амура, пытаешься отвлечься, но ничего с сердцем своим сделать не можешь.

РАЗОЧАРОВЫВАЮЩЕЕ

Подруга приглашает пообщаться с её знакомым – очень интересным человеком. Знаешь, что он женат, а всё равно наводишь марафет. Приходишь – а это твой старый знакомый, который 10 лет назад пытался ухаживать за тобой...

Ползание по дну. По дну ада.

НЕПЛОХОЕ

Он перестал ночевать у меня. Сначала я страдала. Как же так. Потом поняла – неплохо. Начала опять по ночам читать. Писать, болтать по телефону с друзьями.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СЛЁЗЫ НА ГЛАЗАХ

Когда белокурый кудрявый ребёнок прижимается всем своим худеньким тельцем, обнимает, говорит: «Мамоська, я по тебе так соскучился. Я так тебя люблю. И бабуску люблю. И братика Сасу. А папу не люблю. Почему он ко мне не ходит?».

«Ты мой любимый ребёнок» – говорит бабушка. «Нет, я твой любимый господин», – уточняет Андрей.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ПОМУТНЕНИЕ РАССУДКА

У ребёнка температура выше 40 градусов. Он то бредит, то плачет, весь горит. Отец смотрит на часы. 10 вечера. «Ну, мне пора». Уходит. Уходит, я знаю, к любовнице.

ТРЕБУЮЩЕЕ ОБЪЯСНЕНИЯ АСТРОЛОГА

Идём с сыном по двору. Выбегает рыжий молодой кот. Жалобно мяукает, трётся об ноги, даже на задние лапки привстал. Вдруг поднял хвост и меткой струёй оросил мне ногу. Даже под брюками потекло в ботинок. Ах ты, мерзавец! Иди, иди отсюда, мерзкая тварь! Ничего не поделаешь. Идём дальше. Кот орёт, бежит за нами. Догнал, опять оросил ту же ногу, столь же обильно. К чему бы это?

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РАЗМНОЖЕНИЯ

Россияне размножаются при помощи космической пан-спермии. До 30 лет ищут пару. Как правило, не находят. Всё не то, всё чем-то недовольны. Наступает беременность от очередной пробы пера, от на что-то намекающей встречи. Приличный мужчина женится. Неприличный – уходит, или его отстраняют от отцовства. Так, как правило, продолжается род россиян. Где ты, любовь?

ЗАСАСЫВАЮЩЕЕ В ПРОПАСТЬ

Работа на полный рабочий день с обеденным перерывом и зарплатой 3 доллара в день. Деньги, которых хватает только на очень скудную еду и на транспорт. На одежду уже не хватает.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ЧУВСТВО ЖИЗНИ НА 90 %

Ехать на красивой машине «опель» по шоссе с ним и детьми. Музыка вырывается из квадросистемы. Ветер свистит за обтекаемыми стёклами. Мимо проносятся другие машины, в большинстве своём похуже. Рядом кряхтит старый сельский автобус, битком набитый местными жителями. Они смотрят в грязные свои окна сверху вниз, завидуют. Думают – обеспеченная хорошая семья. Их ошибка и есть те 10 % , которых не достаёт чувству полноты жизни.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КАЛОРИЙ

Идёт женщина. Тяжёлая, в слоновьих брюках, в мощной куртке, в кроссовках, пищащих под её чрезмерным весом. Несёт маленький тортик в руке.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАРОВ СУДЬБЫ

Девочку, полную прелести и грациозной живости, пригласили сниматься в кино. На главную роль. Необходимо было разрешение матери. Мать разрешения не дала. Прошло несколько лет. Дочка собралась поступать в театральный институт. Мать ей сказала: «Ты знаешь, доченька, все актрисы – проститутки. Их раньше даже на кладбище не хоронили. Только за оградой. Это не профессия». Дочка послушалась маму и пошла на «Ленфильм» ученицей гримёра и прожила, безусловно, исключительно целомудренную жизнь. Пропустила через своё исполненное потрясающей прелести тело полки заслуженных, влиятельных, знаменитых и просто приятных деятелей культуры, политики и производства, но актрисой не стала, выполняя наказ матери.

Подросла её дочурка, столь же живая и грациозная. И тоже собралась поступать в театральный. Мать ей сказала: «Ты знаешь, доченька, все актрисы – проститутки» и т.д., всё то, чему учила её мать. Дочка также не стала поступать в театральный институт, чтобы жить целомудренной жизнью, как мама.

Теперь у неё растёт сын...

О НЕУДАЧАХ

Идёт молодой человек. Очень модный, красивый, привлекающий внимание к себе. Видно, что сам чувствует, какой красивый. Впереди – барьер из цепи, за ним – тропинка, чтобы срезать путь по газону. Решил особенно элегантно перепрыгнуть барьер, осознавая, что взгляды многих прикованы к нему. Подпрыгивает – и цепляется ногой за цепь. Не рассчитал. Падает в своём красивом костюме прямо в грязь передом и боком. Хреново ему.

Моя подруга, очень красивая, высокая, идёт по Невскому с прекрасным кавалером. Решили зайти в дорогой кабак в подвале, несколько ступеней вниз. Подруга, с гордым видом леди, не рассчитала, что дверь низкая. Бьётся лбом об косяк, поскользывается на ступенях, вкатывается в бар с сильным ускорением, широко расставив красивые ноги. В баре все были приятно удивлены. Некоторые даже привстали.

ОБ УХОДЯЩИХ МУЖЧИНАХ

Прожили 12 лет вместе. Раскормила. Был худой, стал с пузиком. Она не работала, всё суежилась по дому.

Утром он открывает глаза, смотрит на неё, говорит:

–Что я здесь делаю?

Она удивилась.

–Как это что?

–Что я здесь делаю?

Встаёт, начинает собирать чемодан.

Она наконец-то поняла смысл его фразы.

–Милый, любимый, это безнравственно, как же наш сын, что произошло, – и т.д. и т.п.

Собрал вещи и ушёл в неизвестном направлении навсегда.

За 12 лет никогда не ссорились, он всё в дом нёс, семья процветала.

О ВОЗВРАТИВШЕМСЯ МУЖЧИНЕ

Любил уходить за сигаретами на неопределённое время. Уйдёт – и придёт домой или через 15 минут, или через час. Или вечером. Она уже привыкла. Не удивлялась.

Ушёл. Вечером не пришёл. Не пришёл утром. Неделя прошла, другая. Она его разыскивала всюду, где только могла, – через милицию, в моргах, в больницах. Нет нигде. Прошло 4 месяца. Она его в душе оплакала и похоронила.

Возвращается из магазина домой. Свет на кухне. Она удивилась, потом испугалась. Подкралась к двери. Там он сидит. Чай пьёт. Увидел её. «Ты где шляешься?», – был его первый вопрос.

О ХИРОМАНТЕ

Немолодой, но импозантный, преподаватель художественного вуза, хороший реставратор, пришёл в гости. Я тогда была авангардисткой в стихах и картинах.

Он всё осмотрел, что я рисую, кое-что прочитал. По его брезгливому виду поняла, что чужак. Он злобно разругал всё, что я люблю. Я из вежливости сменила тему.

Тут он сказал, что увлекается хиромантией. Взял меня за руку. Стал что-то объяснять – там бугор Венеры, там – Юпитера и т.д. и т.п. Потом говорит: «А самый страшный человек тот, у которого бугры отсутствуют. Такого нужно остерегаться. А вот у меня, например, все бугры ярко выражены, очень крупные, пышные бугры. Признак гармоничной творческой личности. Хочешь посмотреть?». Я заинтересовалась. «Хочу», – говорю. И он показал мне свою ладонь – абсолютно плоскую. Таких плоских я ещё никогда не видела.

ЕЩЁ О ХИРОМАНТЕ

Хиромантией увлекался ещё один знакомый – тихий, заблудившийся в поисках свободы. Он был не глуп, неплохо образован. От армии закосил – как все – через дурдом. Я пригласила его на сейшн, где было много девушек, впрочем, много и мужиков. Глаза его вначале, при виде конкурентов, потухли, но потом, при виде дам, заблистали дико, замаслились. Девушкам он не очень нравился, они не любят робких. К тому же он имел привычку носить скрипучие брюки из синтетики – когда в моде были джинсы. Угрюмый традиционалист. Он решил использовать, очевидно, проверенное и безотказное оружие, чтобы подержаться за женское тело, пусть это будет даже просто рука. Стал разъяснять и толковать бугры и линии. Женское тело в виде женских рук к нему так и потянулось со всех сторон. Хорошо ему было.

ЕЩЁ О ПРИВЛЕКАЮЩИХ ДЕВУШЕК

Один знакомый, чтобы казаться более привлекательным, знал ужасно много матерных частушек, поговорок и стишков. Просто кладёшь народную похабную мудрость какой-то неисчерпаемый. Всеми своими обширными познаниями он щедро делился с девушками. Увидит – возьмёт за руку и прочитает на память всего «Луку Мудищева».

Другой мужчина не был красноречив, зато он виртуозно делал стойку на голове. Знакомясь с новыми девушками, после небольшой, невыразительной беседы он утверждал, что способен встать на голову и простоять несколько часов. Одни не верили, другие изумлялись, третьи говорили: «Ну встань, постой хотя бы 15 минут». Он делал стойку и стоял вверх ногами действительно очень долго, даже скучно становилось. Всем надоедало на него смотреть, вверх ногами стоящего.

Третий мужчина занимался йогой, и поэтому у него всегда была масса всяких историй, способных изумить самую твердокаменную даму. Один из наиболее потрясающих рассказов – о том, что чтобы открылась одна из чакр, его учитель посоветовал ему сделать следующее упражнение: медленно, не спеша проглотить 5 метров бинта, а потом аккуратно его

вытащить обратно. «Изо рта», – уточнял он поражённой девушке. Судя по всему, здоровье этой современной Каштанки от этой процедуры не слишком пострадало; йог утверждал, что какие-то новые удивительные ощущения. Очень мощная прочистка чакр.

Он же умел мастерски наигрывать всякие мелодии, постукивая себя кулаком по голове и щекам, меняя лишь форму ротового отверстия. Лучше всего у него получался «Танец с саблями» композитора Хачатуряна.

Четвёртый представлялся девушкам: «Я Гриф. Я люблю падаль», намекая, очевидно, на то, что падшая (девица) и падаль – однокоренные слова.

Пятый любил рассказывать страшные дорожно-транспортные истории, свидетелем которых был сам. Об этом следующее повествование.

О ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ ДЕВУШКИ

Три девушки шли по Дворцовой площади, взявшись под руки. Была белая ночь, девушки, как и многие выпускники школ, наслаждались началом новой жизни, свободой, юностью. Ехал грузовик под мигающим жёлтым сигналом, хотел увернуться от внезапно выскочившей из-за поворота легковушки, не рассчитал, врезался в фонарный столб. «И столб упал и убил всех трёх девушек», – догадалась я. «Нет».

–Произошло вот что. Столб разломился на три равные части от удара ...

–...И каждая из частей убила по девушке, – опять догадалась я.

–Нет. Все три части стали падать, и средняя часть при падении срезала голову средней девушке. Подруги сначала по инерции сделали ещё несколько шагов, держа под руки обезглавленную девушку. Потом я специально интересовался судьбой оставшихся в живых девушек. Одна из них, та, что была справа, сошла с ума. Навсегда. Подошедший милиционер взял голову девушки за волосы и поднял. Это была белая восковая маска. Всех, кто это видел, даже мужчин, пригнуло к земле от ужаса.

–Странный узор судьбы. Умереть почти как английская

королева, на главной площади города, – быть обезглавленной на виду у праздной публики, поддерживаемой под руки не палачом и священником, а любимыми подругами. Как? За что? Кем была она в предыдущей жизни, может быть мужиком- палачом? А главное, участь свидетелей – зачем им дано было это видеть?

ЕЩЁ РАЗ О ТРЕБУЮЩЕМ ОБЪЯСНЕНИЯ АСТРОЛОГА

В одной семье праздновали день рождения женщины – преподавателя философии. Пришли гости – все философы тоже. И ещё одна женщина – сестра мужчины-преподавателя философии, который не смог прийти, так как в этот вечер устраивал смотрины невесты. В доме была кошка с новорожденными котятами, она обосновалась с семейством прямо в шкафу с посудой, в нижней его части, в гостиной, где собирались гости.

Прозвучал очередной тост. Один из философов – по совместительству бизнесмен, который, как видно, любил вкусно поесть и выпить и ни в чём себе вообще не отказывал, производил речь на игриво перевернутом французском. При словах «культурная программа» под покрасневшей виновницей торжества вдруг рухнул стул – то ли подломились ножки, то ли провалилось сиденье. Гости бросились вынимать хозяйку из-под стола, поднялся гам, возгласы, но сквозь этот шум вдруг прорезался ужасный крик сестры философа-жениха. Она сидела за столом, взмахивала руками и ужасно кричала. Никто ничего понять не мог. Лишь минуту спустя выяснилось – под столом её стройные ноги в колготках рвала когтями и зубами непонятно от чего озверевшая вдруг кошка,

вылезшая во время тоста из буфета.

Кошку отодрали от дамы, хозяйку вынули из стула. Даму отвели в соседнюю комнату – обрабатывать кровоточащие ноги йодом, а кошку побили и засунули в буфет к котяткам.

Большинство окружило бедную даму. Все успокоились, насколько это было возможно. Прошло минут 15. Вдруг в гостиной опять раздались страшные вопли. Выяснилось, что кошка опять зверски набросилась – на этот раз на ноги маленькой дочки пострадавшей дамы. Мужчины бросились спасать девочку, и были изодраны сами. Вторая комната превратилась в перевязочный пункт. Йоду хватило на всех. Кошку с котятками изолировали в третьей комнате.

Через час после того, как все перевязанные гости успокоились и подбодрили себя напитками, муж хозяйки произнес тост. И под ним тоже проломился стул.

«Что бы эта аллегория значила?» – вот истинная задача для философов. Низвержение телесности, бунт звериного начала и вовлечение невинных свидетелей? Или что другое? Может – некое разоблачение тайны семьи? Падение жены, вызванное чрезмерной любовью к науке, чревато разгулом животных инстинктов и ведёт к падению мужа?

ОБ УЛЫБАЮЩИХСЯ

Один знакомый отличался голливудской улыбкой. Белые зубы, серые глаза (хорошо, что не наоборот). Хотелось ответить взаимностью, но нечем. У окружающих зубы обычно серые, жёлтые, кривые или отсутствуют на заметном месте.

Был у него друг. Он тоже всё время улыбался. Оскал его был не так ослепителен, но всё же приятен, хотя, казалось, что улыбается он не тебе, не тому, что ты такая приятная, а самому себе, даже не самому себе, приятному, а глубинам своего «я» – какой-то запретной своей зоне. Глядеть на его улыбку было даже страшновато. Смотришь на человека, говоришь с ним, а он не видит тебя – видит тайного самого себя, табуированного, и себе явно улыбается. Он жаловался – все русские такие неулыбчивые, а я всё улыбаюсь, так меня за дурака считают...

Действительно, неулыбчивого Ивана Дурака представить трудно, так же как американского президента.

И вообще, раньше люди больше улыбались. Особенно дети. У меня на коллективных детских фотографиях самые сияющие лица – в детском саду, все улыбаются и сияют, во главе с воспитательницей. Поменьше улыбка в 1 классе, хотя тоже от души. Ещё меньше – во втором и т.д. В 5-6-м – лёгкая усмешка. В 7-8-м – нет и тени улыбки. Суровое позирование. Язвительность и вызов.

Сейчас улыбка в детском саду легка и еле заметна, как раньше у детей вторых – третьих классов. Веселья и сияния стало меньше. Зато больше скепсиса и серьёзности.

Недавно я увидела удивительно радостное лицо. На детской площадке бегало и прыгало человек пятнадцать детей – от 2 до 7 лет. Одна девочка вся сияла, с красным шариком в руке. Она гоготала, прыгала от радости. Мама никак не могла её снять с горки. Я подумала, что всё же бывают ещё радостные сияющие дети. Девочка вдруг посмотрела вниз – глаза у неё были очень косые, улыбка заторможенная, движения скованные. Это была больная девочка. Но ни один здоровый ребёнок так бурно не радовался ни шариком, ни горке.

ЕЩЁ ОБ УЛЫБКЕ

В детской больнице ужасно кричал ребёнок. Я оставила своего, спящего, подошла к палате, откуда раздавались крики. Маленький цыганёнок, семимесячный, стоял на ножках в мокрых ползунках, без распашонки, вцепившись чёрными ручками в кроватку, на шее его на бинте висела соска, и он безутешно, душераздирающе плакал. Я поменяла ему ползунки. Он опять зарыдал. Я поняла – он голоден. Медперсонала найти не удалось. В холодильнике стояли рожки с молочной смесью. Я кое-как подогрела, дала ему. Он вцепился и жадно высосал всё, как маленькое животное. Я ещё принесла. Он выпил. Я сунула ему соску в рот. Он тут же послушно лёг, свернулся калачиком и уснул. Укрыть его было нечем. У него не было простыни – одна клеёнка.

Я заглянула в соседнюю комнату. Там стояло три кровати. На голых клеёнках, без простыней и одеял, лежали голые дети в тонких рубашонках, над ними тянуло морозом из распахнутой форточки. Я в ужасе наклонилась над кроватками. Один ребёнок был с дефектом черепа – какая-то шишка на затылке. У другого – асимметрия лица, у третьего – тоже что-то, какой-то внешний дефект. Первый ребёнок, полутора лет, Кристина Козловская, как было указано на табличке, увидела меня и улыбнулась. Она улыбалась, будто увидела солнце во тьме, или прекрасного ангела. Наверное, уз-

ник, выпущенный из темницы, меньше сияет и радуется. Она улыбалась во весь рот, показывая все свои детские зубки, по клеёнке разметались её белые волосики. Не знаю, кто ещё так радовался мне за всю мою жизнь.

«А ведь её положили сюда умирать. Родители родили с таким вот дефектом на затылке. Назвали шикарным именем и сдали в детский дом. А воспитатели приговорили к смерти от пневмонии», – поняла я и зарыдала. На следующий день эта палата была пуста. Куда перевели детей – неизвестно.

О ТЕРПЕНИИ ЛЮБВИ

Дети тискали котёнка. Заставляли плясать задними лапками, дули в нос, кутали в тряпочки. Котёнок расслаблялся и позволял делать с собой всё что угодно. Иногда он убегал и прятался в шкаф, когда совсем было невмоготу. Хочешь жить с человеком – умей терпеть его любовь к тебе. Хочешь принимать еду из чьих-то рук – позволь любить тебя и выражать восторг в извращённой форме. Мечтаешь быть познанным и потреблённым – готовься терпеть любовь извне.

ОТ ЧЕГО МОЖНО УСПОКОИТЬСЯ

Он позвонил: «Завтра приду с утра, погуляю с ребёнком». Горечь обожгла сердце. Сказала тускло: «Приходи», хотя хотелось бросить трубку. 9 утра. Ребёнок: «Ну где мой папоська, ну посему он не едет?». 10, 11, 12 – детские игры на ковре, за окном – синее небо, роскошные деревья закипают от летнего ветра. Ехать за город – поздно. Да и гулять – поздно. Невроз матери – ребёнку пора спать. Он звонит: «Сейчас приеду». Я знаю, что такое «сейчас». Хочется ругаться, выть, кусаться за поруганный выходной день, за душную клетку квартиры, за поруганную детскую любовь. Стерпела. «Приезжай». 1 час дня. Приехал. Мне позвонили, назначили деловую встречу. Он говорит: «Нет, никуда не пойдёшь». «Почему?» «Потому что мне пора». Ребёнок смотрит на него своими огромными глазами, я своими небольшими, но выразительными. Я знаю, рвётся к любовнице. Я говорю: «...Уйду и не приду... Это твой ребёнок... Ты отец...». «А ты мать... нечего было рожать...» После такого довода трудно считать его человеком. Неожиданно соглашается посидеть с малышом ещё 2 часа. «А иди куда хочешь!». Но встреча уже сорвана. С работой опять обломилось. В душе чад, ад. И ничего сделать нельзя. И идти некуда. Но всё же ухожу.

Бегу по соседнему лесу среди молодых берёз и счастливых с виду людей, сама не знаю, куда и зачем. Кажется, от горя лучше умереть. Желая ему всех моих мук. Хотя знаю, он тоже мучается и плачет. Но не так, как я. Он – оттого, что я не та. Я – оттого, что он не может любить ребёнка так, как я. Горе моё нарастает. Прихожу домой, хотя хотелось придти ночью или утром – но некуда идти. Друзей не осталось. Друзья не вынесли моего материнства.

Дома никого нет. Сначала – ужас! Украл ребёнка! Потом смотрю – его вещи. Заглядываю в его сумку. Там зубной протезик, очки, пустой кошелёк (деньги мне отдал). Просто пошёл погулять с малышом в соседний двор. Боже! Нездоровый, слабый человек, молодой и симпатичный, но бесконечно слабый и беззащитный. И бесконечно одинокий в слепой тьме жизни. Такой же, как и я.

О ПЕРЕПЁЛКАХ

Василий был крупный и одинокий. Он завёл перепёлок. Перепёлки были чувствительны к нерастраченной попусту любви и начали сами, вместо хозяина, активно предаваться любви и размножаться. Вскоре в маленькой квартирке их было так много, так много, как много было нетронутой никем любви в сердце Василия.

. Могло бы быть ещё больше. Но Василию, наконец, перепёлки надоели, и он их съел.

О СТРИГУЩЕЙ МАШИНКЕ

Василий, крупный, лохматый и бородатый, шёл по Невскому. К нему подбежала девушка и сказала, что она парикмахер. У неё только что клиент украл машинку для стрижки под ноль. Не мог бы он, Василий, этого мужчину догнать и отобрать у него дорогой инструмент парикмахера. Василий удивился такому странному грабежу среди бела дня, но мужчину, на которого указывала девушка, догнал, нащупал у него на животе машинку и увидел свисающий из-под рубашки шнур. «Не ошибся», – успокоился Василий. Василий был похож на бандита, мужчина машинку отдал безропотно.

В знак благодарности девушка бесплатно обрила Василию голову налысо спасённым инструментом. Василий первый раз испытал блаженство ходить с голой головой. Можно сэкономить на шампуне, и прохладно.

О РАЗОБЛАЧАЮЩЕМ

Мы шли по шоссе с одним знакомым. Впереди был пригорок на дороге. Знакомый мне рассказал историю про этот пригорок.

–Видишь? Я однажды видел, как из-за такого вот пригорка разбились две машины, «мерседес» и «форд». Они мчались одна за другой на приличной скорости, километров под двести. Первая подпрыгнула на таком пригорке, как на trampлине, и перевернулась вверх колёсами, упала на обочину. Вторая шла следом, тоже подпрыгнула, полетела, много раз переворачиваясь, но не загорелась, как первая. Там, наверное, были пьяные бандиты.

Я уже знала, что все, у кого иномарки, – для него бандиты. Спорить и приводить примеры было бесполезно.

–Вы, наверное, побежали к ним, чтобы помочь выбраться, оказать помощь, вызвать «скорую»...

–Нет. Таким не помогают. Я побыстрее пошёл прочь. Несколько раз оглядывался, из машин так никто и не вылез.

О КАТАНИИ НА СЛОНАХ

Знакомый актёр хотел помочь мне устроиться на работу на киностудии. Не вышло. Он предложил выпить кофе. По пути его позвали по каким-то делам. Он сказал: «Подожди меня в кафе. Я освобожусь минут через 40». «Хорошо», – ответила я послушно. Сижу, пью кофе. Мимо проходит молодой мужчина. «Пойдёмте, я вас на слоне покатаю», – говорит. Я удивилась. Какой слон? Может, это аллегория? Или шутка? Нет, вид у него серьёзный, деловой. Думаю – я на киностудии, может, тут принято ничему не удивляться, и отказываться – неприлично. «Вы кто?» – на всякий случай спросила его. «Дрессировщик», – гордо ответил он. Пошла за ним.

Долго шли. Пристройка двухэтажная к дому. Заходим. Там слон. Огромный. Серый и морщинистый. А глазки умные, человеческие, лукавые, с прищуром мудрости – как у доброй пожилой женщины. Оказалось – да, я права, 55-летняя слониха – что почти соответствует человеческому возрасту. В углу сарая – гора морковки. Дрессировщик пошёл в тот угол морковку чистить. «Зачем?», – спросила я. «У неё от нечищенной морковки живот пучит». «О, это круто. А это что такое?». Тут я заметила в углу ведро с какой-то жидкостью, явно не водой. «Это вино, прекрасное виноградное вино. Слонихе положено в день выпивать ведро вина. Её

ведь из Сочи привезли, а у нас холодно. Она простудиться может. Вино – для сугреву, так сказать, слоновьей души». Я всё больше изумлялась. «Хочешь попробовать?». «Да что вы. Неудобно слона обделять, вдруг этих 50 граммов не хватит, простудится». Через полчаса мы так напробовались слоновьего вина, что сарай у меня поплыл. Я вспомнила об актёре, который ждёт меня в кафе. Дрессировщик стал меня удерживать: «Подожди, а как же покататься на слоне?». Я посмотрела на стоящую у входа громаду и ужаснулась. Ноги не слушались меня, в глазах вальсировал потолок. «Нет, в другой раз. Я могу упасть со слона, и он на меня наступит». «Исключено». Я попыталась пройти к двери, слониха крепко, как мужской рукой, схватила меня за локоть и не пускала. «Нет, не пустит», – равнодушно подтвердил дрессировщик. «На, дай ей сахара». Слониха ловко запустила себе в рот кусочки сахара – один за другим полпачки, а потом сделала мне хоботом подсечку под коленями, и через секунду я болталась в воздухе, под потолком, где-то на высоте второго этажа. Ещё мгновение – и я сидела у неё на голове, на покатой серой поверхности. Хмель от слоновьего вина не проходил, всё вокруг плыло и качалось, боязно было пошевелиться – чтобы не попасть на круглый край и не соскользнуть вниз, на цементный пол ей под ноги. Мне казалось, что слониха тоже пьяна, и запросто, не от злобы, а от пьяной неуклюжести, может уронить меня на пол и наступить ногой. Я поделилась опасениями с дрессировщиком. «Нет, ей ведро

вина, что человеку рюмочка. К тому же мы помогли ей стать неполной», – захихикал дрессировщик.

Потом слониха качала меня на хоботе, как на качелях, потом лукаво смотрела на меня, когда дрессировщик расхваливал мягкость слоновьего сена. Ревности со стороны слонихи как женщины я не видела, но рисковать не хотелось.

Утром я пришла на работу в состоянии похмельного синдрома, чувствуя себя зорькой розовой среди серых небес. Серая кафедра, серые стены, серые прокуренные лица, серая одежда. Мой оранжевый свитер был как осколок клоуна. Я вынула из разлохмаченной головы соломинку. Лаборантка с всевидящими глазами, похожими на глаза вчерашней слонихи, спросила, прищурившись: «Что это?». «Да так, соломинка». «Откуда?» – на меня устремилось ещё пять пар испытующих глаз. «Да так. Я вчера на слоне каталась».

Кстати, потом выяснилось, что тот молодой человек был не дрессировщиком, а просто помощником дрессировщика, и устроил пирушку в отсутствие хозяина.

О ПЬЯНЫХ ДЕВУШКАХ

Девушки, выпив, ведут себя по-разному. Чтобы напиться до интересного состояния необходимо стечение многих благоприятных обстоятельств – приятное общество, располагающая обстановка, необходимое количество алкоголя.

Одна знакомая девушка, сильно выпив, впадала в оргастическое состояние. Тут же с маниакальным видом начинала искать партнёра. У неё происходили некие судороги, ти-

па присядки. Я однажды наблюдала, как она, не найдя иско-
мое в студенческом общежитии, в тонком платье и колгот-
ках, в двадцатиградусный мороз, едва накинув на плечи то-
щую куртку, бросилась на улицу, ловя машину и надеясь на
легкомыслие водителя. Потом, через три дня, она вернулась,
довольная. Её кто-то не один тогда отвёз на дачу. Наверное,
о таких девушках мечтают мужчины, но сразу рассмотреть
их и использовать по назначению не хотят.

Другая девушка, выпив, виртуозно кричит чайкой, разма-
хивая крыльями. Это элегантно и говорит о чём-то духов-
ном, о некоем порыве ввысь, на свободу.

Я, выпив, однажды наблюдала ядерный взрыв. Утром, от-
крыв глаза и посмотрев в окно, я увидела ослепительную,
почему-то синюю вспышку. Я спряталась под одеяло. «Так,
вспышка была, взрывная волна доходит не сразу. Раз, два,
три...». Дом не развалился. Я удивлённо выглянула из-под
одеяла. Опять вспышка. «Раз, два, три...». С третьего раза
я успокоилась. Вспышки прекратились. Но осталось воспо-
минание о чём-то очень красивом. И о радости от того, что
ядерная война отменяется.

О ДАРАХ МУЖЧИН

Вообще, все девушки мечтают о мужчинах, способных красиво что-нибудь подарить, подарить так, чтобы не обидеть ещё больше и не разругаться совсем и навсегда.

Одной девушке иностранный арабский жених подарил кольцо с бриллиантом. Но не женился. После расставания с ним она жила одна. Но с бриллиантом в душе. Может, избаловал – и она ждала другого, способного делать подарки не хуже.

Другой – антикварщик – подарил серебряную вазочку. Встретил и говорит: «Хочешь, подарю серебряный портсигар?» Она говорит: «Спасибо, не курю, не надо». – «Тогда серебряную вазочку». – «Нет». – «Тогда – кувшинчик. Настоящее серебро. Старинная работа. Конец девятнадцатого века». – «Нет». – «Ну, денег дам, 500 долларов. Просто так». «Иди на хуй», – она обиделась. Он потом выпросил прощения, и вазочку всё же подарил. Маленькую. Просто так. А потом пригласил в гости. Не к себе, к друзьям, которые оказались разлагающимися бандитами обоих полов. Она еле убежала из этой компании вооружённых алкоголиков. Наверное, пригласивший хотел похвастаться крутизной своего окружения. Или наехать. Это была форма платы за вазочку. Мужчины редко просто так что-то дарят.

Ко мне один знакомый пришёл, принёс в зубах кусок сы-

рого мяса. Большой кусок. «Корми, – говорит. – Настоящий мужчина любит мясо». Это было оригинально. Питательно.

Другой подарил на Новый год голубую живую гвоздику. Это было странно, но изысканно и даже трогательно. Донёс сквозь мороз и метель живой и невредимой. Его соперники наговаривали на него, что он голубой. Увидев гвоздику, которая целый месяц стояла в вазе и не вяла, говорили: «Ага, вот видишь. Не скрывает». Я думала – завидуют, испытывая желание защитить от них и цветов и дарителя.

Третий, немец, подарил маленького Микки Мауса, похожего на него – носатого и шустрого. Вместо себя оставил своё изображение, чтобы присматривало за мной и меня любило. Уехал. Другой мужчина увидел. «Что это? Откуда?» – говорит. Я сказала. Он схватил мышонка и сунул в морозильник. Чтобы лишить любовных чар. Сработало. Немец резко перестал писать о том, как безумно любит меня, и исчез наглухо. Потом, оказалось, женился на другой и сделал ей трёх детей за два года. Фантастическая его любовь ко мне вернулась к нему утроенной, но направленной на другой объект.

На встрече с одноклассниками я попросила вспомнить мужчин, какие самые оригинальные подарки им приходилось делать в жизни своим любимым женщинам. Один сказал: ребёнка. Второй задумался, сказал: двух детей. Остальные говорили тоже самое. Один нестандартный одноклассник, лётчик, сказал, что наибольший восторг от дамы он видел, когда подарил свежий зелёный огурец. Это было на се-

вере. Даже живые цветы там не вызывали такого эффекта. Сидящий рядом со мной сказал, что каждый раз дарит же не золото. «Ну и как?» – спросила я. Он задумался: «Да так как-то».

О ЖАДНОСТИ

Вообще, иногда мужчины бывают удивительно жадны, иногда по-глупому расточительны. Иногда это свидетельство о чём-то важном.

С одним другом, очень интеллигентным, мы собрались на выставку. Смотрю, он копается в метро, у турникета. В то время проезд в метро стоил 5 копеек. Я спрашиваю: «Что случилось?» А он: «Ничего. Так. Сейчас». Опять копается. Я подошла. Он что-то за спину прячет. Я говорю: «Покажи. Наверное, монета кривая». Он прячет. Я схватила за руку. Успела увидеть – трёхкопеечная монета заклеена куском лейкопластыря – для веса. Он пытался сэкономить 2 копейки. Я сделала вид, что ничего не заметила, хотя в душе изумилась его скупердяйству. Сейчас он директор банка.

О ХИТРОМ НЕГРЕ

Как-то на день рождения напросился негр-однокурсник. «А, пускай придёт, – решила я. – В пироге должен быть изюм». Было очень мило. Молодой человек негр был импозантен. В костюме, при галстукe, с импортными подарками из «Берёзки». Девушки от неожиданности повизгивали. Свой визг традиционные девушки объясняли ужасом от его чёрной, как нефть, кожи. Девушки более хипповатые – сексуальным возбуждением, который он у них вызывал. Но всё было очень чинно. Говорили тосты. Ели. Пили. Танцевали. Нет, не зажигательный негритянский танец. И даже не русский, не менее зажигательный. Так, что-то спокойное, международное. Фотографировались на фотоаппарат иностранца.

Потом он показал фотографии. Человек 7 гостей – все с виду какие-то пьяные и косые, что не соответствовало реальности. И он в углу – трезвый, благородный, импозантный. И так на всех фотографиях. Потом он ещё показывал свои фотоальбомы. Вечеринка у дочери посла в Швеции, день рождения друга во Франции, у подруги в Англии. И всюду белые – пьяные и косые, а он импозантный и благородный, в золотом пенсне. Даже стал вырисовываться какой-то расовый замысел – возвеличить достоинства чёрного человека, и показать истинное лицо белых людей – кривых некрасивых алко-

голиков. Наверное, его друзьям неграм эти снимки доставляли удовольствие. Они их рассматривали с удовлетворением. До сих пор не понимаю, как это так получалось.

О ЗАВИСТЛИВЫХ

Бывают завистливые люди. Они любят говорить гадости о том, что для них недоступно, особенно по материальным соображениям.

Одной даме был недоступен зубной врач. И когда кто-нибудь говорил, что собирается в платную клинику, она любила рассказывать историю о враче-извращенце, на которого она нарвалась однажды. Сделав пациентке какой-то странной наркоз и вырвав зуб, он, воспользовавшись её беспомощным состоянием, занялся с ней оральным сексом. Так и сидела она, с открытым ртом, не в состоянии двигаться, используемая врачом для странной услады.

Услышав, что кто-то эмигрирует в другую страну, она говорила: «Пусть едет. Там её (его, их) разымут на органы. На трансплантанты. И следов не найти. Очень там русские нужны! Только для этого. Больше не для чего». Узнав, что ребёнок занимается в платной секции каратэ, она говорила: «Зря. Подрастёт, и на родителей приёмчики и применит».

Один обнищавший в новых условиях художник, раньше когда-то заслуженный и обеспеченный, любил наблюдать за номерами шикарных иномарок. Утверждал, что цифры на них всегда предвещают несчастья и гибель хозяину. То 666, то 999 или ещё что-то злое. Когда такая машина разбивалась, он не мог скрыть злорадства. Особенно он ненавидел

компьютеры. Говорил, что это порождение сатаны, знак конца света.

Девушки любят завидовать по поводу мужчин своих подруг. Увидят – и непременно скажут какую-нибудь гадость. Ум девичий виртуозно изворотлив. Или «метр с кепкой», или «зачем такой тебе сдался», или «где такого откопала». Глупые девушки часто ведутся на такой базар. Задумываются, болезненно поражённые в сердце: действительно, зачем? Остаются одни, в надежде найти принца прекрасного. А те, доброжелательницы, сами в итоге выходят замуж за какого-нибудь из той же компании – за «метр с кепкой» и т.п. Любят девушки нагадить друг другу.

О ПРОФЕССОРАХ

Профессора бывают разные.

Один знакомый профессор-физик, молодой совсем по профессорским меркам, лет тридцати шести, был в душе хиппи и бунтарь. Носил кудри с проседью до плеч, кембриджскую небритость и костюм рокера – чёрную кожаную куртку с красными подлокотниками и жёлтыми вставками. Virtuозно матерился, любил рассказывать о самочувствии своего «болта». Был прекрасным музыкантом – играл одновременно на 7 инструментах. Этим подрабатывал себе на жизнь летом.

Ещё один профессор, тоже физик, тоже молодой, лет со-рока, тоже был хороший музыкант. Импровизировал на ро-яле так, что кроме музыки ничего от него не хотелось. Это даже вредило ему. Девушка заслушается – ещё! Ещё! А уже и утро, и ни на что другое времени уже и нет. Жена скоро приедет с дачи.

Третий профессор из Москвы пригласил в кино – на эли-тарный японский фильм о жизни гейш. Гейшу любил старый заслуженный художник. На ней и умер. В кульминационные моменты их любви профессор во тьме дико тискал меня и раздевал себя – как школьник какой-то. Я била его по ру-кам, старалась это делать беззвучно, а также старалась дер-жать спину ровно и не дёргать головой. Что люди, блин, по-

думают! Профессор кончить не успел. На улице затащил в парадняк и сонанировал. Было ему 73 года – я сама ему документы печатала. Ну, блин, гейша и художник по-русски. Хорошо хоть не умер.

Четвёртый профессор занимался проблемой крови. Как философ. Пошёл с друзьями в баню. Принёс пиявок. Прочитал лекцию о философской символике пиявки. Пиявка как одно, пиявка как другое. А у древних кельтов – и т.д. Под шумок всех пиявок присосал – к себе, к друзьям, к банщику. Потом в парилке укусы от пиявок открылись – и хлынула потоком настоящая, реальная кровь. Лилась и давала себя увидеть и ощутить во всей своей красе. Так философия и реальность соприкасаются и посрамляют друг друга. Кто кого.

Пятый профессор преподавал атеизм. Был ужасен, несмотря на трогательность своего преклонного возраста. Бог любил учить его чему-то. Однажды профессору оставили обед в термосах, так как был он беспомощен в быту и полностью зависел от обслуживающей его жены, заботящейся о том, чтобы все силы отдавал он своей лженауке. Профессор открыл термос, а в нём, в кипятке, грелись и разбухали сардельки. Сардельки выпрыгнули на волю со свистом, пройдясь по кончику и без того красного и толстого профессорского носа. Был даже ожог. Долго профессору не давал забыть о себе полёт горячих сарделек. Вообще, все профессора-марксисты были очень какие-то некрасивые и неопрятные. Очень плохо пахли – потом каким-то лошадиным.

О ГЛОБАЛЬНОЙ СКУКЕ

Хуже всего медведю в зоопарке. Зэк может выйти на волю. Бывают и у него работы под открытым небом, физические усилия, переезды, общение с себе подобными.

Огромный, почти целиком заполняющий собой клетку медведь, обречён на худшую жизнь. Развлечений мало. Медведь любит выпрашивать сладкое, указывая лапой на свою открытую пасть с кариесными зубами. Народ идёт мимо и забрасывает ему как в урну конфеты и пряники. Медведь равнодушно сглатывает и опять обнажает своё жерло. Скучно ему.

Весной я видела ещё одно развлечение медведя. Воробья с воробьёнышем забрались в клетку к медведю. Воробьишко, разинув абсолютно жёлтый клюв, истошно давил маме на инстинкт: «Покорми!». Воробья с опаской поглядывала на медведя, но дело делала – какую-то блевотину подбирала с пола и совала в рот малышу. Медведь, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник, расхлябанным движением пытался лапой прибить пищащих воробьёв. После каждого удара подносил когти к носу, обнюхивал – нет ли там добычи. То ли медведь был подслеповат, то ли воробьи слишком мимикрировали под цвет его мехов... Судя по коричневатым пёрым, застрявшим у медведя между когтями, остальные воробьиные братья здесь уже полегли. Лаком-

ство разнообразило рацион хищника.

От скуки легко стать извращенцем и убийцей. Даже если сыт и есть крыша над головой.

О ПУТИ ПО ИГРАЛЬНЫМ КАРТАМ

С подругой должны были подойти в дирекцию музея, договориться о предстоящей выставке. Встретились. Идём. Под кустом на снегу лежит игральная карта. Красивая, яркая семёрка. Я не выдержала. Подошла, ногой перевернула. На обратной стороне фотография голого мужчины с удивительно, неправдоподобно длинным фаллосом. Надо же! Мы с подругой изумились, решили подобрать. А вдруг дети увидят? Безобразие! Три шага – опять карта. И на обратной стороне – опять, только с непомерно толстым. Так и шли по цепочке, восклицая. Насобирали штук десять. Я говорю: «Стоп! Так мы дойдём до какого-нибудь маньяка. Там, за кустами, где-нибудь притаился и подглядывает. Поджидает. И вместо последней карты в колоде мы увидим кого-нибудь живьём. Возможно он хочет нам показать то, что на картах изображено. Хочется ли тебе этого?» – «Да. То есть нет. Пора это дело кончать. Не поддадимся хитрому плану!» – высказалась подруга, и мы сошли с карточной тропы. Пошли по своей, другой дороге, хотя карты в стороне продолжались.

В музее нас ждал невежливый отказ. Можно сказать, нас послали. Туда. На те три буквы, которыми обозначаются предметы, чьи изображения нам повстречались в изобилии.

Можно сказать, мы возвращались с карманами, полными концов.

На следующий день эти концы выпали из кармана моей подруги в самом неподобающем месте. В пункте обмена валюты. Она стала искать в кармане паспорт, но оттуда посыпались концы. Народ в очереди был шокирован и изумлён, особенно когда девушка стала всё это запихивать обратно. Выйдя, выбросила в ближайшую урну. Конец концов.

ЕЩЁ О ЖАДНОСТИ

Дима был с однокурсниками послан в поля, на уборку картошки. Есть всё время хотелось. Кто-то заметил неподалёку сарай, в нём стояли бидоны с молоком. Ночью студенты украли бидон, приволокли к себе в барак, разлили молоко по кружкам, стали пить. Диме молоко показалось особенно вкусным и жирным. Все выпили по одной кружке. Дима – пил и пил, и ещё – пил и пил. Он вообще любил много пить и есть, особенно на халяву. Вскоре у него начался дикий понос. И одновременно возникла сильнейшая эрекция. Он не мог понять, что происходит. И то и другое его очень мучило. Побежал бы к девушкам, но говно беспрерывно струячит. Так, под кустами, со стоячим членом, он провёл три тяжёлых дня.

Вскоре выяснилось, что сарай, из которого украли бидон, принадлежал звероферме, на которой разводили то ли песцов, то ли хорьков, то ли ещё кого. И это было специальное молоко, предназначенное для повышения потенции у зверьков, для увеличения их плодовитости. У остальных студентов питьё хорькового молока прошло без заметных последствий.

Переедание ворованного никогда не идёт на пользу.

ОПЯТЬ О НЕОПУСКАЕМОМ ЧЛЕНЕ

Мне ещё историю знакомый рассказал. Ему показалось, что он подцепил что-то. Пошёл к врачу. Это был врач-Хачик. Врач –Хачик что-то ему вдул, какое-то лекарство. У знакомого неожиданно член поднялся в метро. Он изменил маршрут и поехал к даме. Выйдя от неё, ему захотелось ещё. Он поехал к другой. Полгорода объездил. Но успокоения не достиг. Прошло 18 часов. Поехал к врачу-Хачику. Говорит: «Что это?» Тот отвечает: «А ничего!» – «Верните как было!» – «А так и было», – пытается дерзить врач и медсёстры ему подпевают. «У меня, кажется, начинается некроз. Я вас засужу. Делайте что хотите, но верните как было!» Тогда доктор выпустил из него много крови – полтаза. После этого у моего знакомого много проблем. Он даже занялся садомазохизмом.

О ЗМЕЕ

Мы выпили пива и пошли на экскурсию в горы, в развалины старого замка. Все ушли вперёд, а я отстала, всё что-то пристально рассматривала. Что-то зашипело вблизи – там, в каких-то колючих зарослях под полуразрушенной бойницей, к которой мне хотелось подойти. Знакомое шипение, что-то напоминавшее. Я сделала шаг вперёд. Передо мной высоко поднялась чёрная змея, её головка блестела, раздвоенный язычок трепетал перед моим носом. Я в ужасе отпрянула. Змея ещё пошипела на меня и ушла в траву. Я отскочила на несколько метров назад, помчалась догонять свою группу. Я была изумлена. По этой тропе проходят сотни людей в день – а там змея, да ещё такая активная. Правда, я тоже хороша. Вряд ли кому из сотни людей пришла в голову мысль прорваться сквозь колючки к бойнице... Все шли по предназначенной для экскурсантов тропе. Я стала рассказывать о змее. Мне никто не поверил. «Надо меньше пить пива», – сказал мой друг и весело засмеялся. «Не была ли та змея зелёного цвета и мужского пола?», «Вот что бывает от лишней кружки» и т.д. и т.п. Экскурсовод сказал, что двадцать лет проводит здесь экскурсии, и ни разу не видел никаких змей.

Так и носилась я с реальной змеей в своих ощущениях, а остальные наслаждались безопасным отдыхом и безалаберным лазанием по камням и зарослям. Правда, мне со змеей,

горы открылись глубже и живее. Да и я, допившаяся до змеи в глазах, приобрела более яркие и привлекательные краски в глазах окружающих. Была ли змея или нет – главное, произнести слово вслух.

В то лето я видела ещё куст со змеями, змею, толщиной со шланг, долго переползавшую мой путь, плавающих в реке огромных змей, а также маленькую, но очень красивую – она была изумрудная, с жёлтым брюшком и разноцветными пятнами. Другие ни одной змеи так там и не встретили.

О ТОМ, ЧЕГО НЕ ИСПРАВИШЬ НИКОГДА

Лет пять не виделись. Разговаривали по телефону. Был как светлый луч в тёмном царстве. Каждый звонок – радость. Живее всех живых, всегда говорил, как из сверкающего царства. Оттуда, где жизнь бьёт ключом. Радостно было, что звонит. Что хочет. Что стоит выбраться из сети условностей, долга, стоит захотеть – и есть тайная кнопка. Нажми – и тебя там ждут. Свобода радостно у входа. Любовь. Приключения. Сюжеты. Страсти. Жизнь. Не нажимала. Что-то мешало.

Прихожу – он в гостях. Живее всех живых. Утащил в коридор. Говорил комплименты. Хватал за все места. Мне казалось, главное – мой недавно родившийся малыш. «Нет, нет, нет». Он говорил: «Поехали. Сейчас возьму такси». Я, как затравленный зверёк, думала не о нём, любящем и прекрасном. А о других. Тех, кто со мной рядом, но без любви. Без любви вовсе, просто каких то роботов своего долга. Тяжело вздыхала, говорила – «нет». Хотя почему – не знаю. Младенец был накормлен и мог быть без меня до утра. Муж ночевал у меня через день, деля меня со своей матерью. Никто бы не заметил потери бойца.

Ты уставал от моего непробиваемого «нет», звал уже по инерции, искусственно культивируемый мной холод обвола-

кивал тебя... Уехала. Убежала. Гордо улыбалась в душе. Почему? Хрен его знает. Ожила. Когда-нибудь... обязательно... Всё впереди... Зачем уехала? Надо было ехать к нему. К своей большой нереализованной любви. Почему не звонит? Обиделся... Сама позвоню. Всё время, как с солнцем, говорила с ним.

Через неделю узнала. Нет его. Кто-то убил, какой-то Некто поэт, зарезал на его собственном диване. Вонзил раз тридцать нож в сердце и ухо отрезал, унёс с собой на память. Всё. Такая внезапная смерть того, кто был живее всех живых и любимей всех неполюбленных.

Была самой последней, кого он хотел среди живых. Почему не поехала с ним? Он говорил – ты раб по натуре. И в последний день его жизни оказалась рабом.

О НЫНЕШНИХ И ПРЕЖНИХ ДЕВУШКАХ

Раньше девушки думали, как бы никому не дать, как сохранить себя для своего мужа. Наше поколение – девушки – переживали, как бы давать поменьше, не всем и не сразу. Пытались хоть какой-то порядок навести в лаве эроса. Нынешние девушки думают, как бы дать каждому, кто этого захочет, и как заманить ещё кого к себе из остальных. Меньше эроса, меньше жаждущих. Какими будут девушки через 20 лет?

О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТАХ

-Называется «Выдавливатель по капле раба». Резиновая женская кукла, величиной со взрослого человека. Наполнена водой изнутри (молоком, вином, свиной кровью, пепси-колой – дело вкуса, смотря кто и как представляет себе вкус раба). Протыкают ей, в пальце, например, дыру (опять же можно и не в пальце). Все подходят – и каждый по капле выдавливает.

-Называется «Памяти знатных египтянок». Последние, как известно, пользовались при строительстве пирамид для себя, незамысловатым приёмом. Каждый пользователь приносил с собой камень, вместо платы за проезд, так сказать. Камень на камень... Когда смотришь на муки любителей садов и дачных участков, возникает оригинальная идея. Сад камней. Каждый камень – в память о половом акте. Со знаками отличия. Кусок гранита символизирует одно, осколок кремния – другое, плита известняка – третье. Может иметь место мелкая галька, гладкий валун, песок рассыпчатый... Есть где разгуляться фантазии. Из камней можно выложить дорожки. Построить гроты. В честь наиболее выдающихся событий можно поставить обелиски. Окаменелая история телесной любви. Соседки могут соперничать – у кого сад ка-

менистей.

ОБ ОТЛИЧИИ БЛЯДИ ОТ ПРИЛИЧНОЙ ДЕВУШКИ

Это отличие затуманено. И у той и у другой может быть ужас сколько половых контактов. Попробуй разберись, с кем имеешь дело. Возможно, некоторые мужчины мучаются по этому поводу, хотят чётких определений и знаков. Возможно это не так – мужчинам всё равно.

Девушку приличную от девушки неприличной можно отличить по дню её рождения. В день своего рождения блядствующая девушка, как правило, одна, без кавалера и друзей-мужчин. Хорошо, если подружки заглянут. Много у неё было любовных приключений, но не удалось завоевать ей мужчину выше пояса. Только одно интересует мужчину в такой девушке, а всё остальное, человеческое, не трогает. И скучно ему к ней идти не по своему узко направленному интересу. Завоевать мужчину выше пояса – это тоже искусство и тоже трудно, не у всякой это получается.

У девушки хорошей, не бляди, друзья мужского пола – есть. Не только секс она в этой жизни освоила.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ

Мы с подругой шли по побережью. Вдруг она вся засияла, напряглась, как струна, улыбка во всю ширь преобразила её лицо: «Финны, финны идут». Я присмотрелась – действительно, навстречу идут двое немолодых, очень толстых, безобразных мужчин, с красными лицами, брюшками, опасно нависающими над голубыми джинсами, с какими-то пяточками вместо носов. Я удивилась восторгу своей подруги. Она продолжала вся сиять -как язычок пламени сияла она! Её огонь передался одному из иностранцев. Он тоже весь засиял, будто встреча их была запланирована на небесах. Вот чудо! Встретились! Они засияли, закокетничали и ушли вместе.

Я не могла заставить себя не то что разглядывать этих придурков, но даже улыбнуться приветливо из вежливости. Меня как-то скривило от отвращения. Я не могла ничем его преодолеть. Ушла в сторону, размышляя: отчего так искренне улыбалась моя подруга? Неужели от предвкушения финских марок и импортных шмоток? Меня даже это предвкушение не могло бы заставить так широко и дружелюбно улыбаться. Хотя очень хотелось финского комбинезона и голубых джинсов. И немного валюты бы не помешало. Может,

она была хорошая актриса? Но попробуй так войти в роль! Станиславский бы прослезился...

Нет. Она искренне обрадовалась этому мужчине. Конечно, финские марки подогревали радость, но и сам по себе, красномордый, с брюшком и проседью, он радовал её, юную и стройную. На следующий день я расспрашивала её. Она сказала, что напилась и ничего не помнит, но при этом как-то всё же слегка покраснела. На её стройной заднице был шикарный джинсовый комбинезон.

Я поняла ещё раз, почему Христос не осудил блудницу. Она любила. Умела любить. Любила любить. Быть доброй, снисходительной. Уметь за телесным несовершенством увидеть сексуальный кайф. Вряд ли у финна было в жизни приключение более сладкое, вряд ли кто с таким восторгом потребил его мужскую сущность. Почти бескорыстно. Если бы он ничего ей не дал, она бы не злилась. Оттрахал, и ладно. Прикольно. Хорошо тогда было иностранцам в России. Ещё мне запомнилась фраза этой девушки: «Лучше от СПИДа сдохнуть, чем от скуки».

Жива ли она сейчас?

О ДЕВУШКЕ-ФИЛОСОФЕ

В метро ехала девушка. А может, женщина. Дать ей можно было от 20 до 50. С одинаковыми шансами на попадание в точку. Одетая она была так плохо, так плохо – почти как бомжика. Во что-то серое, старое, в стоптанных допотопных башмаках, в затёртом плаще, потерявшем давно свою окраску. Зоркими глазами, без очков, она читала шикарный том недавно изданного Шпенглера. Интересовалась «Законом Европы». Читала взапой, как детектив. Судя по раскрытой странице – прочитала больше половины уже.

На окружающих её было откровенно наплевать. Так же, как и на свой пол, возраст, внешний вид и одежду. Судя по золочённому новому тому и по обесцвеченности худого лица, все деньги тратила она на книги. Приятно было на неё смотреть.

Я подумала, что более свободного человека мне встречать не доводилось.

О ЯПОНСКОЙ ДУШЕ

Я стояла напротив Эрмитажа. Светофор не работал, или его вовсе не было. Машины шли бесконечным сплошным потоком, не притормаживая. На нашей стороне собралась уже целая толпа жаждающих перейти улицу. В том числе группа японцев. Человек пять. Все одинаково строго одетые – в тёмных костюмах, белых рубашках, с галстуками. Их лица, и

без того окаменелые, приобрели ещё более окаменелое выражение. Им хотелось в Эрмитаж, но окружающая дикость вызвала в них омерзение. Я стояла, поджав хвост, тоже с ненавистью глядя на мчащийся мимо поток машин, было стыдно за грязные туалеты, рушащийся асфальт и всё остальное, что потрясает окружающий цивилизованный мир. Да, это были сложные чувства.

Один японец был чем-то неуловимо похож на начальника – он был постарше и каменистей. Вдруг что-то дрогнуло в лице одного японца помоложе. Как будто последняя капля презрения. Он сделал шаг вперёд – прямо в поток машин – и спокойной размеренной походкой пошёл через дорогу. Наверное, с таким лицом самураи делали себе харакири. Машины визжали, притормаживая, сигналили, водители матерились. Но не уступить не могли. Так и прошёл он сквозь весь строй – рядов 6.

У японского начальника в лице сверкнула тень лёгкой досады и, одновременно, тень лёгкого удовольствия. Вскоре в потоке появился пробел, и мы все смогли перейти улицу. На другой стороне ждал свою группу не сумевший сдержать ярость и раздражение японец. Лицо у него было каменное, но как бы чуть более бледное и чуть более благородное, чем до перехода.

ОБ ОТЛИЧИИ ПРОСТОЛЮДИНА ОТ БЛАГОРОДНОГО

На благородных и простолюдинов люди делятся независимо от эпохи, общественного строя, страны, местности, пола и семейного происхождения. В одной семье от одних родителей могут родиться братья – один простолюдин, другой – аристократ. Аристократ может родиться в глухой деревне от простых крестьян, может родиться он в перенаселённом Китае или в русской избе без удобств и электричества. Он может всю жизнь работать чернорабочим. Но что-то отличает его от простых людей. И наоборот. Простолюдин может отрастить интеллигентскую бородку. Девушка-простолюдинка может казаться элегантной, подтянутой, иметь тонкие черты лица. Но всё что-то не то. Истинного ценителя не проведёшь – ни слава, ни деньги, ни красота не могут спасти простолюдина от разоблачения.

Есть особые признаки, отличающие простолюдина от благородного. У простолюдина нарушены тактильные и все другие ощущения. У него грубая, менее развитая чувствительность. Нет тонкости чувствующего аппарата. А это всё. Это конец. Это невозможно развить, если не было этого изначально. Ум можно развить. А чувствительность – нет.

Он из тысячи предложенных вариантов, даже при нали-

чии денег, выберет пошлые ткани и пошлую обувь. Подберёт грубую гамму для одежды своих детей. Простолюдин неприхотлив в еде. Из продуктов именно он предпочтёт дешёвый маргарин и мороженое из красителей и ароматизаторов. Он не в силах отличить натуральные продукты. Простолюдина всё что-то пригибает к земле. Робость какая-то рабская. Страх перед теменью вокруг. Отсутствие любопытства. Склонность к дешёвому, бесплатному труду. Зато простолюдины легче создают семьи и терпеливее несут семейное бремя. Хотя у простолудинов хуже с дружбой. Простолюдины любят собираться в гигантские толпы и стаи, сплачиваться в массы. Они – плодородная почва для семян рекламы и благодарная публика для эстрадных певцов. Аристократы сторонятся слипшихся в толпу и стараются отличаться от её повадок и обычаев. Редко, но бывают взаимопереходы.

О ЗЕБРЕ

Я вдруг подумала, что в зебре что-то есть. Вечно зарешеченная. Как сама себе тюрьма. Символ тюрьмоношения. Вечно в арестантском халате. Который может снять только смерть. Понятное, близкое сердцу животное. Как человек, который сам себе тюрьма. Куда бы не ездил, среди каких красот бы не пребывал, какими бы деньгами не располагал – никуда из своей клетки не вырваться. Никак не расстаться с одиночеством, безумием, грустью, зависимостью от чего-то извне. Зависимостью от какой-то искры, энергии, огня, которого нет внутри и неоткуда его раздуть. Как не хорохорься, но вонзаешься лбом в непрошибаемую стену, за которую ответственности не несёшь – вонзаешься лбом в волю Другого. Всюду встречаешь самого себя – как тело бледное, и свои нехотения и хотения без ответа – как решётку толстую. Жизнь – тюрьма. И все мы в ней заключённые. Даже те, кто думает, что им досталась участь тюремщиков.

ОБ УМЕНИИ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ

Олиной мамаше стало плохо. Так плохо, как никогда в жизни. Сидит, еле дышит, челюсть нижняя отвисла, глаза помутнели. То ли давление, то ли сердце. Оля говорит: «Приляг. Может, врача вызвать?» Та отвечает, ласточка лаковая: «Ничего. Скоро сдохну. Нарадуешься».

Через два дня матери полегчало. Оля говорит:

–Сколько жизни тебе осталось? Ты же не вечная. У тебя 10 тысяч на книжке. Расслабься, доставь себе удовольствие! Съезди в Италию. В Прагу на Рождество. Зачем себе во всём отказывать? Хоть раз в жизни – порадуйся, повеселись. Ты же никогда за границей не была.

Мать смотрит на дочь жутким взглядом, через плечо.

Звонит друг семьи, Сергей. Оля ему рассказывает про мамашу и про свой совет ей. Сергей молчит. Потом произносит с нотой скрежета. «Ничего себе, совет дала. Думаешь, это так просто, радоваться жизни? Может это – самое трудное в жизни и есть».

О ДОСТИГНУВШЕЙ ТРУДНОЙ ЦЕЛИ

В Петербург приехала группа старых, очень старых туристов из Америки. Им было лет по 80. Самым молоденьким. Какой-то озорник в программу экскурсионного обслуживания включил обзор великого города с колоннады Исаакиевского собора.

Туристок завели на каменную винтовую лестницу и предложили подняться наверх. Дочери свободного континента пошли туда, куда им сказали. Через десяток-другой пролётов они поняли, что их предали. Ни вверх, ни вниз они идти были не в силах. Решили: лучше наверх.

В общем, путь наверх длился часа три. Были съедены все таблетки, имевшиеся у членов группы и у проходящих вверх и вниз посторонних. Элегантный костюм экскурсовода был исцарапан маникюром цеплявшихся за неё старушек.

Наконец дошли. Возгласы восторга сливались с голубиным воркованием в голубых и золотых просторах. Экскурсовод расчирикалась с особым воодушевлением.

Одна леди, когда, наконец, экскурсовод создала минуту паузы для особо восторженного обзора, вздохнула, потрясённая раскинувшимся под ней пейзажем, и произнесла: «Да-а-а... Красивый город Копенгаген!»

ТАЙНА СТАРУШКИ

В вагон вошла старушка. Такая старая, ну такая старая, что, казалось, русские люди нынче так долго не живут. Или, по крайней мере, в метро не ездят. Сидят по домам престарелых, или прячутся от агентов по недвижимости в потайных закутках коммуналок. Кроме всего прочего, эта старушка, несмотря на свой почтенный возраст, весьма плохо была одета. Плохо выглядела. Дыра на дыре, ветхое на доисторическом. Вместо духов «Красная Москва» – острый запах «Старая Моча». Как говорят французы – нет модных духов и модных запахов. Модно то, что идёт.

Старушка к тому же вся была трепетная какая-то. Вся мелко-мелко тряслась и трепетала. Половина вагона встала, когда она вошла. А говорят, русские потеряли уважение к старости. Бабушка равнодушно уселась (утряслась), все оставшиеся силы свои она сосредоточила на поисках чего-то в карманах. Наконец, добралась до искомого.

На сиденье, на пол и колени посыпались мятые бумажки.

Молитвы? Рецепты? Больше ничего увлечённым старушкой зрителям в голову не приходило.

Я заглянула. Это были написанные крупными буквами английские слова – с транскрипцией и переводом рядом. В своём почтенном возрасте, подверженная старческой немощи, она прилежно изучала английский язык. Прямо как Карл

Маркс!

О МОЛОДЕНЬКОМ ЕЛЬЦИНЕ

На Невском переходила дорогу на красный свет. Меня за локоть поймал молоденький Ельцин. Конечно, не он, он в то время был уже стар, но этот тип был его двойником. С розовым гладким лицом, чистыми алкогольно сверкающими глазами, белоснежными волосами, мягкой соломой откиннутыми назад. Начал мне парить мозги, что он дирижёр оркестра. Вёл меня куда-то вглубь, взял подержать сумку. Заглянул в кошелёк. Стал ругать, что сумка у меня не из кожи, в кошельке денег нет, и что нет у меня машины. Я в первый раз задумалась о том, что не иметь свою машину – это очень стыдно. Я смотрела с изумлением на него: дирижёр какого-такого он оркестра? Не Магаданского ли областного? Не сидел ли он на зоне последние 5 лет – он не знал, сколько стоит жетон в метро, например. Но, сволочь, как хорошо при этом выглядел! Как будто с курорта вернулся. Или солнце в Сибири здоровое такое! И костюм на нём был добротный, такие обычно любят носить американские мужчины старшего возраста, приезжающие в Россию по делам небольшого авантюрного бизнеса. И ботинки с белыми подошвами.

Навстречу нам шла старушка с тележкой двухколёсной, вся согбенная, но прямолинейная в душе. По виду её было ясно, что никого не пропустит, что это ей и её экипажу надо уступать дорогу. Мой Ельцин не стал это делать. Он нагло

шёл по прямой, прямо навстречу старой карге.

–Ты чего, блядь, такая старая, а? – сказал он ей.– Ты чего вся согнулась так, а? Чего так плохо одеваешься и за собой не следишь? Мы ж с тобой ровесники, может, за одной партой сидели!

Старуха посмотрела на него неожиданно абсолютно умным, всё понявшим взглядом. Злобно посмотрела.

–Взгляни на меня- вон какой я красивый. И зубы себе вставил белые! А ты только старость позоришь!

Старуха вступать в разговоры не стала, попёрла дальше свою дрянь на тележке.

Ельцин завёл меня в кафе, стал приставать к официантам, нет ли у них телефона. У них не было. Он сказал, что пойдёт, позвонит своим музыкантам, и будет у нас вечерок весёлый, музыкальный. Я тут же выскользнула и удрала налево. Что-то в нём было такое, что вызывало сомнение в том, что он дирижёр Лос-Анджелеского филармонического оркестра.

О БЛИЗКОМ В ТОЛПЕ

Идёт юноша. Худенький такой. Летящая, слегка вразвалочку походка. Стремительность, порыв. Свой человек, сразу видно. Свободный любитель свободных приключений. Сам себе песня. Кудрявый такой, кудри до плеч. Абсолютно седые кудри. Кожа желтоватая. Лёгкая сеть морщин. И походка – лёгкая, молодёжная. Джинсы, курточка лёгкая. Бежит, что-то насвистывает, на девушек посматривает многозначительно. Девушки, какие ему нравятся, – всё те же. Незаметно подменились новыми. И он – подменился. Но не заметил. Не очень это до него дошло. Наверное, удивляется, отчего кое-что другое.

. Я подумала, что лет через 10 буду, как он. Летящая походка. Лёгкая сеть морщинок. Абсолютно седые кудри. Вглядывание в статных сочных жеребцов лет тридцати. С красными лоснящимися губами среди молодой шелковистой щетинки. Интерес к любимому типуажу и любимому возрасту. И, наверное, тоже буду ощущать лёгкий дискомфорт.

О РАЗЛИЧИЯХ

Старый минетчик – это не то же самое, что старый попутчик. Старый комитетчик – это не то же самое, что старый минетчик. Старый лётчик – это не комитетчик. Рождённый вползать взлетать не может. А старый космонавт – это вообще совсем, совсем далеко от состарившегося лётчика. Между ними пропасть, как и между предыдущими персонажами сравнений. И разница между ними – один летает, другой от полёта рыгает, один ползает сам, другой даёт вползти товарищу. Так же различаются пулемётчица и минетчица, миномётчица и аппаратчица, гладильщица и вязальщица, аспирантка и божья коровка. Все они различаются. Можно приветствовать эти различия.

О КАТАНИИ НА ЛОШАДИ,

-Хочешь покататься на лошади? Садись.

Колхозник Пётр, пожилой корявый мужчина с удивительным, кирпичным, покрытым бороздами лицом, будто по нему трактор пахал, подсаживает меня, пятнадцатилетнюю, худосочную и серого какого-то цвета, больно и грубо, за молодую девичью ляжку. Я на коне.

Незабываемые ощущения. Высоко. Седла нет – одна скользкая, круглая спина, как выгнутое крупное бревно между моими ногами. Боже, да это живая спина! Воняет конским потом. Тёплая. Чувствуется шевеление конского мяса под конской кожей. Я сижу на живом животном, которое что-то испытывает по поводу моего живого задка, взгромоздившегося на него. У меня есть вес. Я тяжёлая. Не тяжело ли бедной лошадке?

Бедная лошадка неожиданно резво и быстро устремляется куда-то, по одному ей известному маршруту.

–За поводья держись! – успевает крикнуть колхозник Пётр. В его голосе слышны насмешка и пренебрежение. Он уходит куда-то, наверно, опохмеляться. В колхозе все взрослые мужчины имеют кирпично-корявые лица, от них всегда разит перегаром и луком, и они или уже выпимши, или идут опохмеляться.

Я успеваю уцепиться за поводья. Лошадь не слушается ме-

ня, скачет довольно быстрым шагом, неприятно переваливаясь подо мной, от чего я, сгорбленная вся какая-то, съезжаю то на один бок, то на другой. Намерения лошади не ясны мне. Конечная цель маршрута – тоже. Но у неё явно есть какой-то план передвижения. Колхозник Пётр ретировался, спросить совета мне не у кого. Все инструкции по поводу того, как следует управлять лошадьё, не срабатывают. Я зло тяну правый повод – лошадь ещё злей наклоняет голову вниз, хотя ей, наверно, больно из-за железных хреновин в зубах, называемых, кажется, удилами. О, эти удила вызывают во мне живой отклик, во мне, кривоzubке, несколько лет носившей скобку на зубах.

Лошадь не слушается меня и сама выбирает путь – во все не по дороге, по которой я собиралась «скакать на лошади» туда-сюда, «красиво держась в седле». Лошадь неожиданно для меня скачет вниз, к балке, в сторону зарослей кустов. Моё сползание то направо, то налево, которое казалось мне верхом неудобств, сменяется подбрасыванием на каждом скаку лошадиных ног. Меня подбрасывает ежесекундно, высотой до десяти сантиметров, я грузно приземляюсь на живую спину четвероногого друга, испытывая ошутимый шлепок и удар по заднему месту. Одновременно меня мучает стыд. Мне стыдно перед лошадкой – стыдно делать ей больно по спине своим задом, который безвольно, как раскисший гриб, плюхается ей по спине. Я пытаюсь натянуть поводья, лошади больно, она задирает голову, но упрямо несёт-

ся к кустам.

Мы врезаемся в кустарник, лошадь пригибает голову, низко пригибает, образуя живую катальную горку. Я съезжаю ей на шею. Прыгаю на её шее при каждом её подскакивании. Я с ужасом думаю, что сейчас ей переломлю один из её шейных позвонков.

Густота веток становится столь плотной, что я уже не в силах победить их сплетение. Я, в позе впереди ногами, беспомощно оказываюсь охваченной лабиринтом ветвей со всех сторон. Ещё мгновение – и лошадь преспокойно выезжает из-под меня. Я зависла в сцеплении веток, подобно огромной птице.

Лошадь уже впереди. Она остановилась, помахивает хвостом, и, как ни в чём не бывало, щиплет траву. Я с ужасом смотрю вниз – довольно высоко! А самое главное – я прочно запуталась, ветки оплели меня всю, как лилипутские верёвки Гулливера. Я слабым голосом зову Петра, чувствуя, что не стоит рассчитывать на его помощь, – он, наверное, уже вне зоны досягаемости моего голоса.

Лошадь как бы насмешливо фыркает, лукаво поглядывает на меня, избавившаяся таким изобретательным способом от своей слабой мучительницы, на призывы вернуться под меня не реагирует. Жуёт, смеётся и не уходит. Проявляет формальное послушание.

Я в отчаянном положении, кричу, зову на помощь дурашливым голоском, как бы рассчитывая, что если меня услы-

шат – это будет шутка. Стыдно так вот висеть и видеть, как лошадь издевается над тобой.

Неожиданно появляется Пётр. Он такого, наверно, ещё не видел. Но виду не подаёт. Лошадь он хладнокровно возвращает под меня, дёргает меня за ногу, я падаю на спину коня, ухватываюсь за поводья, ложусь грудью прямо на шею лошади, сливаюсь с ней в одно целое. Петра уже не видно.

Наконец, мы оказываемся на свободном просторе луга, поля. Лошадь понеслась. Сидеть на ней теперь намного удобней, перестало трясти. Впереди – пруд. Лошадь несётся туда. Её насыщенные рыжим цветом волосы на гриве развеваются от ветра, жёстко треплются перед моим лицом. Мне это приятно.

Лошадь выбирает крутой спуск к воде. Пить хочет. Передние её ноги скользят по глине вниз, задние враскоряку топчут где то выше на склоне. Шея лошади сильно наклоняется вниз. Я опять начинаю соскальзывать на её уши, зацепляясь за её выпуклые скулы. Деликатно соскальзываю на глинистую полосу у воды.

Ноги у меня словно окаменели от напряжения. Внутри что-то ритмично ёкает, в такт лошадиному бегу. Если бы меня о чём спросили, я отвечала бы, ритмично заикаясь.

Появляется Пётр. Больше тем летом я у него не просила покататься на лошади. Решила лучше поучиться на мотоцикле. Лошадь – она живое существо, надо уметь ей понравиться.

НА МОТОЦИКЛЕ

Сев за руль мотоцикла с коляской, я заехала на обочину дороги. Мотоцикл задрало люлькой вверх. Подобно каскадёру, проехала на одном колесе. Чуть не перевернулась. Хозяин мотоцикла, мальчик, мой ровесник, бежал рядом, успел вскочить, остановить.

Я решила, что лошадь лучше. С ней интереснее. Она может идти на контакт, может понять тебя. Хотя добиться послушания от неё так же трудно.

Самое трудное в жизни – добиться чьего-либо послушания. Человека ли, животного, или просто неодушевлённого предмета – без разницы. Мир не настроен принимать во внимание реальность твоего существования.

О ПРИЯТНОМ ВЕДОВСТВЕ

Мы с Сашей шли на станцию Росинка. Вечернее солнце нещадно палило. Дорога, прямая, как дорога, ведущая в ад, вела навстречу закату. Кругом стояло болотное живое марево, являя собой жаркий, застывший снегопад из цветущей болотной травы – пучки ваты на сухих, невзрачных, мёртвых с виду стеблях. А поди ж ты, тоже хотят размножаться, цветут по-своему, по болотному, противопоставляя себя привычной среде, привлекая внимание (чьё? зачем?) своей противоположностью. Ибо что может быть противоположной болотной жиже, чёрной воде, как не пучки белоснежных седых волокон? Жажда быть увиденными...

Наши распаренные тела сопровождал приятный спутник – мощный, жёлтый, в полоску, как Митёк, жадный овод. Подобно истребителю, он носился с самолётным звуком вокруг, пытаясь урвать кусок живого тела с нас, обливающихся потом. Не удалось.

Дорога была подозрительно пустынна. Позади – никого. Впереди – трое и жирное жестокое солнце. Вдруг – о, ужас! – раздался лязг, свист и уханье улетающей вдаль электрички. «Странно, очень странно. Этой электрички нет в расписании...»

На перроне никого не было. Серая пустыня асфальта, рельсы и провода, сходящиеся в точку. Из этой точки ничего

не увеличивалось.

Перрон высоко возвышался над лесной травой. Пышно развитые растения были так хороши, так подробно при взгляде сверху показывали все свои цветы, семена и бутоны, так точно соответствовали идеалу и растительной норме, что невольно вспоминался гербарий Леонардо да Винчи. Высокие ромашки упруго замерли. Хлипкие гроздья колокольчиков вносили в угрюмую зелень флёр меланхолии. Лохматые розовые гвоздики легкомысленно кудрявились. От загадочных голов растений отделяло метра четыре высоты и грубые железные трубы перил, разгорячённые солнцем.

Поезд всё не шёл. Стояла мёртвая, редкая тишина, нарушаемая осмысленными вскриками птиц. Лес в своей имманентности, наконец–то ставший услышанным, который я так любила, вдруг показался мне таким же грубым и беспощадным, как эти железные перила, как эта слоновья грубость асфальта. Деревья, обездвиженные, обречённые беззащитно принимать всё, что им предназначено, – жару и холод, дождь и лёд, удары топором или ещё чем грубым – без права отойти в сторону или заслониться, – они были одинаково солипсисты со сделанными вещами, все со сдержанной внутри сущностью, в скупом напряжении своих сил. Им плевать было на меня. Они меня не видели. А я жадно подсматривала их угрюмую жизнь.

Какая-то птаха живенько повисла вниз головой, уцепившись лапками за черенок берёзового листа (Боже, какая мел-

кая жизнь!). Что-то склонула, взвизгнула, перелетела. Как много мошек, листьев, птиц! Птахи возбуждённо ужинали.

Болотные серые мошки, серые и мягкие, как плоть беса, лезли по голым ногам. Мошек было много, несмотря на прожорливость птиц. Одна из птах вдруг резво перелетела над проводами на другую сторону железной дороги, в чахлый, гнилой лес. Полетела осознанно и целеустремлённо. Что она там забыла?

Асфальт перрона был пуст и тошнотворен. В этом забытьи, в этой игре в морскую статую прошёл час, перевалило за другой. Саша сердито смотрел в одну точку. Он сидел прямо на полу, обняв свой детский рюкзачок. На лбу его под козырьком блестел пот. Я сказала: «Сейчас я дойду до края платформы. Когда я буду проходить мимо провала, появится электричка». Так оно и вышло.

ПЕРРОН

Перрон. Весь в перьях перрон. В перьях – это осыпались крылья деревьев. У деревьев на лето отрастают крылья. И перья. Они ими машут, машут – но так и не получается взлететь. Они, подобные большим птицам-инвалидам, как бы преувеличенно жестикулируя, поощряют к полёту настоящих птиц. Те улетают... Деревья сбрасывают со своих лже-крыльев ненужное, так и неиспробованное оперение, истрёпанное в учениях, подвергшееся жестокой амортизации. Хлопья изодранного парашютного шёлка.

Ничего. Через некоторый срок дадут новые. И новое трепетание, новые попытки вскипеть – снизу доверху, от корней до макушки, жадно подставляя свою разрозненную парусность свежим порывам ветра. Увы. Крылья есть. Но кости, тело! Тело слишком тяжело, одеревеневшее, морщинистое от рождения тело. Погружённое по пояс в землю от тянущей вниз тяжести, от страха завалиться набок...

Ощущение юга. Пыльная, в пыльной пыли провинция. Мерцание разомлевшего солнца сквозь квадратики грубой решётки... Ласковая, несостарившаяся ещё листва, простоудушно утопающая в тёплом, сером от зноя небе...

ОБ ОПАСНОСТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ В ПРИНЦЕССУ

С Андреем смотрим тупо по телевизору – о том, как добывают блох после пойманной и увязанной собачниками собаки. Внимание, аппетитно сконцентрированное на душезатягивающем фильме, автоматически переносится на тянущийся за ним шлейф из наколотых, подобно мясу на шампуре, дымящихся и жарких пучков рекламы. И вдруг, чудо, долгоиграющая реклама. Очень убедительно выступающий мужчина, бешено доказывающий, что необходимо приобрести колечко с бриллиантами. На экране выплывает палец с кольцом, усыпанным бриллиантами крошкообразно.

Андрей смотрит заворожено, в немигающих голубых глазах накапливается медленно стремящаяся выйти из берегов слезинка. Я машу перед его лицом рукой, зову его разными голосами, торможу. Бесполезно. Он в гипнозе. Вдруг заговорил:

–Мама! Мы не будем покупать это кольцо!

–Не будем? Конечно, не будем. У нас и в мыслях не было. Кто сказал, что мы будем? А кстати, Андрюша, почему? Может, всё-таки, купим? – я лукаво улыбаюсь...

–Это очень опасно, – говорит полушёпотом.

–???

«Странная логика», – думаю я.

– Да, это очень опасно. Можно стать принцессой. Если купить кольцо, то можно превратиться в принцессу. А это очень, очень опасно, – говорит белокурый, кудрявый Андрей, и в голубых глазах его, обрамлённых загнутыми чёрными ресницами, читается искренний испуг.

О НЕПРИЛИЧНОМ ПОВЕДЕНИИ В ГОСТЯХ

Нехороший случай произошёл со мной в гостях, в какой-то безобразной коммунальной квартире с длинным изогнутым коридором и массой обшарпанных дверей. Я попросилась в туалет. Мне рассказали, как пройти. Вот он. Облезлая дверь, четырёхметровые потолки. Посреди обширной комнаты – унитаз, вверх от него ползёт по стене длинная труба, увенчанная наверху сливным бачком. Из него свисает мокрая почерневшая верёвка. На конце – что-то вроде ручки от детской скакалки. Журчит красиво, романтически вода. Унитаз с рыжей змейкой ржавчины, с мокрым деревянным стульчаком – наверное, от неверных мужских струй.

Я брезгливо поднимаю стульчак, становлюсь ногами на пожелтелые края – и, о, ужас! Унитаз падает набок, вместе с трубой и сливным бачком наверху. Всё это оказалось сцеплённым между собой, но не приделанным к полу и стене. Содержимое унитаза выплёскивается на пол. Я изо всех сил борюсь с произошедшей ситуацией, поднимаю в стоячее положение унитаз и прикреплённую к нему конструкцию – но нет, не то. Труба вертикально не держится, как-то изогну-

лась, и бачок не прилегает к стене, как раньше. Долго я возилась. Нашла тряпку, подтёрла, но бачок так и болтался теперь криво и угрожающе над головой.

Тем, к кому я пришла в гости, призналась в содеянном. Они удивлялись причинённым разрушениям.

ЕЩЁ О НЕПРИЛИЧНОМ ПОВЕДЕНИИ В ГОСТЯХ

Андрюша в гостях любит есть колбасу. Не всю, а определённого сорта. Какую-то полукопчёную, нарезанную кружочками. Больше ничего не ест. Вообще ничего. Зато не усмотришь – может всю съесть один. Приходим – я знаю: та огромная тарелка с колбасой – его. Спасибо, маленькую тарелку ребёнку не надо.

О РАЗМИНУВШИХСЯ ВО ВРЕМЕНИ

Зашла на Главпочтамт. Отправить бандероль. Очередь. Бандероли запечатывает как-то фирменно, добротнo, по-старинному, но очень медленно, старый-старый старичок. Абсолютно лысый, с запавшими щеками, с жёлтой морщинистой кожей, в толстых очках. Лет 80 можно ему дать. Но дело своё делает добротнo, основательно. Что делать? Ждём.

Подходит моя очередь. Он берёт дрожащими пальцами мой пакет, начинает свою работу. «Какая изумительная девушка! О такой, как вы, я мечтал всю свою жизнь. Мне всё в вас нравится. Глаза, волосы, фигура. Мой идеал», – говорит мне, перевязывая бечёвкой пакет и делая аккуратные сургучные кляксы на местах пересечений. Прижимает почтовой печатью. «Ах, если бы я был на 50 лет моложе. Хотя бы на 40. Я бы обязательно на вас женился. Мы были бы счастли-

вы. Жаль, очень жаль, что мы разминулись во времени». Я смотрю на него изумлённо, пытаюсь увидеть за этим черепашиным лицом – молодого человека, моего суженого... Ничего не получается. Слишком большая разминка во времени получилась. Я ему мило улыбаюсь.

В другой раз я ехала куда-то на поезде. Ехать надо было долго – двое суток. Среди соседей по купе была женщина с маленьким ребёнком – примерно полутора лет. Мальчик был с мужским личиком, не очень красивым. Это не было лицо кукольного ангелочка. Ныл. Мама достала неприятный эмалированный горшок с ручкой. Я раздражённо отвернулась – ну вот, не повезло с соседями! Через некоторое время малыш притих. Он смотрел на меня. Смотрел, как заколдованный. Его серые глаза были полны тихого обожания и любви. Он любил меня, даже дыхание его затихало от восторга при виде меня. Я смотрела в его глаза – и мне становилось так хорошо. Необъяснимо хорошо. Тихо так. Спокойно. Мать мальчика была поражена. «Приворожила ты его, что ли?» – проворчала она. Так всю дорогу и ехали мы. Стоило ему посмотреть на меня, и он уже глаз не отводил восхищённых. Никогда я не встречала такого полного обожания. И мне тоже становилось от его взгляда так хорошо. Тихо и спокойно, полнокровно как-то. Он, судя по всему, любил во мне всё – и лицо, и одежду, и душу.

«Ну вот. Опять разминулись во времени. Лет на 18. Две

родственные души», – думала я, долго вспоминая тихую радость на сердце от мужских восхищённых глаз младенца.

О СПОСОБЕ УТОЛИТЬ ЖАЖДУ

Мне очень хотелось пить. Очень. Никогда так не хотелось. Не помню, после чего. То ли после огурчика. То ли после сабантуйчика. Совсем не помню, после чего. Но очень хотелось пить. Я шла по залам Русского музея. С кем-то. В буфет вернуться было нельзя почему-то. Надо было обойти весь Русский музей. Я умирала. Пить, пить, хоть каплю воды. И – дальше, дальше от места, где можно попить. Хоть каплю, хоть стакан – как жадно бы я выпила.

И вдруг – Айвазовский. «Девятый вал». Во всю огромную стену. Вода! Много, много воды... Прозрачной, пенистой, пронизанной лучом кое-где. Масса воды. Ишь, колыхается, беспокойная. Боже, как много воды – вот бы в неё, к ней, на неё, под неё, – и пить, пить, плыть и пить, пить и плыть... Я стояла и испытывала чувство насыщения водой. Да, я непременно выпила бы весь девятый вал. Тот, кто был со мной, тянул меня в следующий зал. А я не могла оторваться. Отсосаться. Не могла насытиться этой изумрудной, вкусной, чистой...

Мне полегчало. Физически. Как будто я выпила реальной воды. Я стойко обошла все залы. Подумала, что настоящие произведения искусства многомерны. Имеют дар непредсказуемой пользы.

ДВА ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ

Напротив, в метро, сидит шесть человек. Из них вдруг привлекла внимание женщина с зажмуренными глазами. Глаза у неё были зажмурены так, как будто она это сделала в другом смысле – зажмурилась навек. А рядом сидел мужчина с невероятно трагическим лицом. Волосы его как бы встали от ужаса дыбом и переплелись. Глаза были необычайно выпучены – как бы от чрезмерного кошмара бытия, который ему нежданно открылся. Ну, бля, и пара!

Два отношения к жизни! Зажмуриться, замаскироваться под посмертный слепок. Чтобы ничего, ничего всего этого ужасного не видеть никогда. Или, напротив, выпучившись и всё-всё обзрев, поняв всю безысходность, превратиться в трагическую окаменелую маску.

В принципе, и в том, и в другом, есть нечто схожее.

ГАРМОНИЯ ЛИРЫ

На перроне был забор, узор – сеткой. А вот столбы имели украшение. Что-то вроде лиры.

По центру – прямая стрела. По бокам к ней прильнули две изогнутые ленты. Они напоминали то ли лошадиные, то ли лебединые шеи. И даже не прильнули, а будто кто привязал их за тонкие шеи к центральному направлению, и головки их мелкие обиженно и беззвольно поникли.

Вот такая лира, вот такой инструмент для гармонии звуков – одной струне тяжело держать, двум другим – быть привязанными и удушенными, подумала я.

А все вместе поют сладкую гармоничную песню.

По-русски – это тройка, упряжь тройкой. Центральный конь – правильный, а правый и левый – с извращениями в беге и зрении. Связать их в пучок, воедино – и помчится Русь-тройка куда надо!

О ВЫПИВАНИИ НА ТРОИХ

И ещё я подумала, отчего любят распить бутылку на троих? Всё очень просто. Тезис-антитезис-синтез. Диалог скучноват. Тезис-антитезис, тезис-антитезис. Не хватает зрителя, судьи, внешнего не хватает. Не перед кем спектаклю разыгрывать. Для русских чрезвычайно важна Троица. Никулин, Вицин, Моргунов. Чапаев, Петька и Анка. Зайчик, Волк и Ну Погоди! Двоих мало.

О СБЫВШЕЙСЯ ТАЙНОЙ МЕЧТЕ

Во дворе гуляла пожилая женщина с другой немолодой женщиной. Мать с дочерью. Дочь была отчасти или совсем – дауном. Огромная, толстая, с детской раскормленностью, похожая на огромного пупса, с маленькими, видящими что-то своё детское, глазами. Мать по сравнению с ней была красавица – нормального телосложения, с тонкими, правильными чертами лица, прилично одетая. Обе чинно прогуливались под ручку. Мать руководила. Дочь подчинялась. Выгул старой послушной собачки, потерявшей половой интерес к жизни. Мечта женщины сбылась – дочь под боком, мать красивее и руководит, соперница побеждена по всем статьям, одиночество скрашено постоянным присутствием зависимого беспомощного существа...

О ТОМ, ЗАЧЕМ МАТЕРИ НУЖНА ДОЧЬ

Ей – тридцать семь. Десять лет назад вышла замуж. Родила дочку. Развелись. Несколько лет уже одна. Но не совсем. С кем? – маленькая тайна большой неприличной российской драмы, под названием «мать». Шестидесятилетняя старушка вклинилась на освободившееся место вместо выжатого ею же мужа дочери. Говорит: «Зачем тебе муж? Я тебе вместо мужа. У меня яйца больше. И ребёночка помогу воспитать. Нету лучшего дружка, чем родная матушка. Ты держись меня, родная. Всё тебе за это будет». Конечно, она так не сказала, но вся её народная мудрость сводилась к этому. Чтобы не остаться одной в своей скучной безжизненности. Чтобы навластовать всласть царицей беспредельной, ничем несдерживаемой. Пизду потеряв, отрастила хуй, виртуально, по-фрейдистски научно выражаясь.

Молодая женщина встретила новую любовь. После нескольких лет унылых воспитательных манипуляций над своей дочуркой, в могильной тишине однополого царства. Глаза светятся счастьем. Есть кроме матушки и другие кайфы. Настоящие яйца, настоящая сила, настоящие деньги, настоящая помощь и натуральная любовь.

Она стала задерживаться после работы и приходит домой

на пару часов позже. Приходит – а матушка, в качестве территориального самца, встречает её валенком по голове. Многократно. Удивительно – где-то сохраняла так долго, а теперь вынула и применила. Очень больно дерётся.

О СИММЕТРИИ, НИСПОСЛАННОЙ СВЫШЕ

Поразительную историю я слышала о семье художников. И он и она раскрашивали яйца – имеются в виду деревянные, сувенирные. Очень удачно. Стали хорошо жить. Вдруг он заболел – ему отрезали правую ногу. Через год она попала в дорожную катастрофу. Потеряла левую ногу. На двоих у них в семье две ноги теперь. Зачем? Что за баловство небес? Или забавы ада...

Ещё одна история. У женщины была счастливая супружеская жизнь. Муж, два сына, почти подростки. Всей семьёй отправились за город. Муж с сыновьями плавал на лодке, ловили рыбу. Жена оставалась на берегу у палатки. Лодка перевернулась на глазах у женщины – муж и двое детей ушли под воду почти без всплеска – как будто и не было. Прошло 15 лет. Подруга случайно её встретила. У неё опять муж и два сына. Только новые. Данные взамен? Потому что так должно быть у неё? Зачем же отбиралось... И каково тем, при помощи гибели которых её чему-то хотел научить Господь?

Две сестры вышли замуж почти одновременно. У обеих по ребёнку. Жили хорошо, по соседству. Вдруг каждой из сестёр свой муж стал надоедать, казаться всё более отталкивающим, а чужой – муж сестры – наоборот, всё более при-

влекательным. С мужьями произошло тоже самое, каждый полюбил сестру жены. Разошлись. Поменялись местами. У сестёр – новые мужья. У детей вместо папы – бывший дядя, муж тёти. Вскоре в каждой семье появилось по новому совместному ребёнку. Что за хитросплетение корней?

От этой симметрии крыша съезжает. Кто, кто тот Математик?

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ИГРУ СИММЕТРИИ

Я сама однажды была вовлечена в странную симметрию. Мы с подругой гуляли по побережью. Познакомились с двумя братьями – близнецами. Эти братья были так ужасно похожи друг на друга, что различить их было невозможно, и они бессовестно этим пользовались. Справа Миша, слева Гриша. «Нет», – хохотали они. «Всё наоборот!» И уже неясно было, кто брал за руку слева, кто справа. На заливе мы разделись и стали купаться. Близнецы предложили забаву – сесть верхом им на плечи и устроить скачки в воде. Так и сделали. Брюнетка против блондинки – обе на конях гнедой масти и неразличимых статей. Мы перепробовали всё – скачки, рыцарский турнир с заваливанием в воду и всадника и лошади, ныряние с плеч, дельфины пляски. Что-то в этом было очень фундаментальное и грациозное. В этих симметричных кавалерах и музыкальных перестановках. Двойное удовольствие – пользоваться под собой и лицеизреть со стороны. Большого удовольствия испытывать не доводилось. Будь их не двое, радости было бы вдесетяро меньше.

О РАЗОБЛАЧЕНИИ ТАЙНЫ НАЧАЛЬНИКА.

Заведующий кафедрой был мужчина без возраста. Он любил подойти сзади к хорошенькой лаборантке, прижаться к ней брюшком и, побряхтывая, продиктовать что-нибудь.

Однажды он ушёл читать лекцию. И все остальные сотрудники – тоже куда-то ушли, остались я и хорошенькая лаборантка. Какой-то особый дух стоял на кафедре философии. В прямом смысле слова – это была самая вонючая кафедра в институте. Там нечем было дышать, то ли от сигарет, то ли от гниения и брожения. Мелкие бесы пронизывали всю кафедру. Главным их олицетворением была начальница над лаборантками. Она интриговала, сплетничала, доносила, выполняла волю начальника, под её взглядом сохли и гибли в муках комнатные растения. И всё это с вертлявыми манерами, inferнальной чернотой глаз и волос, вечно грязными пальцами – она любила приносить салатки в баночках и есть это прямо пальцами, облизываясь. Несмотря на страшную вонь. Редкий случай – в тот день её тоже не было.

Мы вдвоём с подружкой разрезвились, даже вонючий воздух в тот день был не так прокурен и вонюч. Двери кабинета начальника были открыты. Мы зашли в эту святая святых. Покрутились в кресле, постучали по столу кулаками, под-

удели в трубки телефонов. В углу висело скучное, но добротное пальто заведующего. «А интересно, что у него в кармане?» – вдруг возникла новая тема у подруги. «Наверное, журнал по философии, носовой платок, кошелёк...» – «Нет, это всё чушь. У него там джентльменский набор – бутылка водки, хвост селёдки, презерватив, возможно. Сегодня – суббота. Он после работы пойдёт в гости к даме!» – «Какая дама? Он же старый холостяк. Живёт со своей мамой. Она ему не разрешает, он разучился...» – «Нет, ничто человеческое ему не чуждо. Там водка!» Так спорили мы, дурачась, в душе будучи уверены, что карманы пусты и неинтересны, как избранная им наука.

Расшалившись, подруга подкралась к пальто, как если бы оно было живое и могло кусаться или громко кряхтеть, двумя пальчиками отогнула полу и обшарила внутренний карман. Лицо её вдруг перекошилось. «Что, неужели? Неужели я права?» – не унималась я. «Там действительно водка. Не веришь – посмотри». Я подошла, заглянула. Овеществление шутки было поразительным. Водка, сушёная селёдка, презерватив.

Через минуту вошёл заведующий. Он подозрительно, очень подозрительно посмотрел на нас и в первую очередь направился к своему пальто, ощупывать карманы. Как будто наблюдал за нами в подсматривающее устройство.

ОБ АБСУРДНОМ ПЕНИИ ХОРОМ

Бывают случаи абсурдного пения хором.

Однажды, перед сдачей экзамена по научному коммунизму, мы – группа студентов – марксистско-ленинских философов, сидели в аудитории, в ожидании пришествия преподавателя, самого научного из всех коммунистов. Атмосфера царила удушающая. Скучные, тоскливые, как бы боящиеся чего-то, неразговорчивые студенты.

Лидером серости была невзрачная девушка – то ли староста, то ли комсорг. Крупная, рыхлая, не улыбающаяся, с бородавкой на носу и проволочными волосами. Взгляд на мир у неё был какой-то осуждающий и уныло-цепкий. Абсолютно лишённая всякой живости и игривости. И вот вдруг она выступила инициатором идеи – в ожидании самого научного из коммунистов спеть песню хором. Более живые и разбитные девушки, некоторые просто Венеры какие-то пышнотелые, отреагировали одобритительно. Даже немки и венгерки в толстых очках на прыщавых носах, даже лунообразные монголки из Красных степей Монголии... После некоторой спевки и припоминания текста получилось довольно стройно: «А ба-боч-ка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк!!!! А за ней воробушек прыг-прыг-прыг-прыг!!!! Он её го-лу-буш-ку бац-бац-бац-бац! Ням-ням-ням-ням! Да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг!» Удивительно – выбор пал на фривольную, прослав-

ляющую половую разнuzданность песенку. С глубинной девичьей тоской о желании быть потреблённой. И весь этот женский хор имени Катюши Масловой возглавляла чистая комсомольской души и телом девушка-староста.

Потом она хорошо кончила. Осуждая девушек, которых уволакивала куда-то вдаль коварная волна сексуальной революции, она сама стала её жертвой. Или героиней. На пятом курсе, она, северная комсомолка, забеременела от жгучего, растапливающего все льды и ломающего все преграды бразильянца. Ей, с поруганными идеалами провинциальной чистоты, пришлось пережить немало печальных месяцев, но всё же в конце концов он на ней женился и увёз в Бразилию.

О ТОМ, КАКИХ ЖЕНЩИН ЛЮБЯТ

На одной остановке, Богом забытой, я стояла, ждала автобуса. Мела метель. Под фонарём плясало и свистело. Нас становилось всё больше.

Среди ожидавших привлекала внимание семья. Это были три девочки лет пяти, десяти и пятнадцати, отец у них был красивый, стройный брюнет, с усиками и румянцем, а вот их мать была слепая. Белёсая квашня, рыхлая, без возраста, один её глаз был с бельмом, второй – слишком маленький, безнадежно косил. Девочки были милы, нормальны. Мать что-то сказала им – голос у неё был нежный и очень приятный, спокойный тон. Отец, по всей видимости, не испытывал никаких неудобств. Он не стыдился своей жены-инвалида, он не выглядел усталым и затравленным. Он трогательно и трепетно обращался со своей слепой женой. А она стояла под фонарём, и улыбалась, и была спокойна. Что связывало их? Какое чувственное влечение влекло его к ней, очевидно, полуслепой от рождения? И каким сильным и многократным оно было, судя по количеству детей! Он любил её, безобразную и не видящую своего безобразия и его красоту, или жалел так сильно, что сперма лилась потоком – жалел с бельмом и имел, жалел – и имел... Какой кайф! Вот она,

настоящая любовь!

С одним интеллигентным молодым мужчиной зашла речь о том, какая женщина для него – идеал. Он стал восторженно описывать, как его друг познакомился с какой-то полудикой то ли гаитянкой, то ли индианкой. Его фантазия разыгралась: «Да, какая удача – любить женщину, которая не говорит по-русски. Так, бормочет что-то на индейском наречии – ничего не понимает, что ты ей говоришь. Одни жесты, объятия, улыбки и любовь»... «Боже, как же достали его женщины... – подумала я. – Как трудно скинуть языковую завесу, оберегающую наготу и истину, одежду скинуть намного проще».

– Знаешь, тебе следует купить крупную человекообразную обезьяну, самку. Обрить её. Смазать душистым кремом. И употреблять по назначению. Слов от неё не будет совсем. К тому же не надо ухаживать, дарить подарки, воспитывать детей. Одни тактильные и сексуальные радости.

Мой знакомый обиделся. Может, я не поняла его – может он на что-то намекал, описывая свой идеал...

Что-то есть в Венере с отколотыми руками, ногами и головой. Потаённая мечта мужчины – наблюдать и пользоваться главным, не отвлекаясь на второстепенное.

О НАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Ей было лет пятьдесят с хвостиком. Была она коренастая, в крашеных кудряшках. С красным лицом и лиловым носом пожилого клоуна. Парикмахерша. Настригла себе на квар-

тиру и машину. Лихо водила. Сын был уже взрослый. Ни в чём себе не отказывала. Нашла себе молодого возлюбленного, огромного, под два метра ростом, любящего выпить и склонного к плотским утехам.

Он ей изменял. Она это быстро заметила. Полоснула в порыве ревности ножом по яйцам. Вызвали скорую. Пришили. Опять у них началась любовь.

Опять изменил. Опять полоснула. Опять пришили. Тут уж не на шутку рассвирепел. Не мог простить. Грозился железным ломом раздолбать самое любимое её – после него – машину. Она так и бегала – то выслеживала его блядки, то машину стерегла, чтобы её не раскурочил.

Вскоре парикмахерша удачно вышла замуж за финна, то ли ровесника, то ли постарше. Он по достоинству оценил её темперамент. Полюбил страстно. Через несколько лет она нам позвонила. Скучно, говорит, в Финляндии. В России было веселее.

О СМЕРТИ ОТ ЛЮБВИ

Один знакомый рассказал, что бывшая жена его сидит в тюрьме. Я с брезгливостью посмотрела на него. «За что?» – следовало спросить из вежливости.

Он рассказал, как она пригласила как-то к себе мужчину, они активно развлекались, она оказалась сверху. Прямо у него на лице присев. Она испытала какой-то чудовищный оргазм. Он захлебнулся и умер. Её осудили, и она сидит за убийство. Я где-то читала, в некупированных былинах, что такой смертью погиб Добрыня Никитич. Женщину, причинившую ему это, тоже нехорошо ругал народный сказитель.

Другой знакомый, Дима, выслушав, закручинился, потрясённый.

–Что, о чём ты?

–Вот бы мне так умереть, – размечтался он.

ОБ ОТЛИЧИИ ЕВРЕЙСКОГО И РУССКОГО МУЖЧИНЫ

Гриша плыл на Валаам на корабле. Тут можно много акцентов расставить. Гриша на Валаам? Гриша – на корабле? Но не будем останавливаться на этом. Он плыл, время зря не терял, познакомился с дамой. Дама казалась ему очень привлекательной и податливой. Предвкушая близость победы, он сильно выпил. Гораздо сильнее, чем его дама. Настала ночь, звёздная ночь. Увлечь даму прилечь оказалось некуда. Они бродили по кораблю, ища хоть щели какой-нибудь тёмной под канатом.

Грише вдруг нестерпимо захотелось отлить. Перед тем, как всё остальное. Заниматься поиском клозета было некогда. Гриша отошёл в темень, длинно облегчился вниз, за борт. Оказалось – там не море. Другая палуба. И два матроса. Матросы были разгневаны не на шутку – он нассал им прямо на головы. «Иди сюда, – сказали они ему. -Спустись на минуточку. Мы тебе пиздюлей надаём».

Тут начинается самое интересное. Что сделал бы подвыпивший русский парень? 1. Он скрылся бы во тьме от стыда, не забыв о даме. 2. То же самое, забыв о ней. 3. Выматерился бы, чувствуя свою недосыгаемость. 4. Сказал бы матросам нечто такое, отчего – слово за слово – рукопашный бой был

бы неминуем. Может, очнулся бы за бортом, среди рыб. 5. Он свернул бы содеянное на даму.

Все варианты исчерпаны. Но еврей, он на то и еврей. Он пошёл не таким путём. Нетвёрдой походкой, галантно извинившись перед дамой, он спустился вниз, несмотря на нелюбезные слова и угрозы, сыпавшиеся на него со стороны обоссанных матросов. Спросил, где тряпка, – и подтёр. Не унижаясь и не унижая. Дама была в восторге. Но совокупления не произошло.

О НЕМЕЦКОЙ ЛЮБВИ

Нет, немецкая любовь отличается от русской. Если есть у русских антиподы, то это «не мы» – немцы. Если Россия – дама, сладкое пышное желанное, то немцы – Он, жених, покоритель сердец, мужской напор, тот, о ком думается плодотворно и приятно мечтается. Где у русских – хаос, эмоции, тёмное вино заливают голову, там у немцев – порядок, доводы, аргументы. Россия как дом похожа на жилище одинокой женщины без мужчины. Всё заросло грязью, бесхозяйственностью. У женщины нет стимула принаряжаться, мыть, чистить, убирать, стирать – всё равно никто не видит, чего зря стараться. Никто – имеется в виду – Он не видит. Возлюбленный, желанный, тот, без кого свет не мил. Остальные – не Он – не люди, ради них и стараться не стоит. Германия как дом уж слишком ухожена. Мир застывшего, педантичного холостяка, любящего комфорт. Каждая вещь до последней мелочи на своей полочке. Предусмотрено всё. Механизм быта отточен до совершенства. Ничто живое не нарушает его, никакая стихия – будь то шалости детей, капризы озорной любовницы, разгул пьяных друзей, писающих мимо унитаза и сующих окурки в цветочные горшки. Свинство русских и стерильность немцев противоположны, как две противоположности одного и того же, какого-то полового невроза, связанного с переизбытком односторонних гормонов. Им бы

совокупиться...

С такой вот противоположностью, с таким вот женихом Хольгером, высоким белёсым, лысоватым, в очках, гуляла по берёзовому лесу моя подруга, тоже высокая, стройная, но без очков. Она хотела поделиться с немцем самым русским – и вот вела его в ночь, по сугробам, среди ёлок и берёз, с безумным взглядом голубых глаз. Он, видимо, струхнул. Она же вдруг предалась неприличным фамильным воспоминаниям – о своём дедушке-партизане, убивавшем всё, что в лесу найдёт немецкого. И о бабушке, очень толстой бабушке, которую русская добротная толщина спасла. Немцы решили отомстить ей за мужа-партизана. Партизана они поймать не могли, а бабушку – легко. Они повесили её на берёзе. Деревце не выдержало веса и сломалось. Её – на другую берёзу, то же самое. Немцам надоело, после очередной попытки они развеселились и оставили бабушку в покое – живой и невредимой, только берёз много наломали.

Хольгер слушал, слушал – что-то понял, что-то – нет. Потом расчувствовался. Признался, что его дедушка тоже воевал – в России и много ему рассказывал о ней. Вдруг он сжал сильно-сильно пальцы русской красавицы, даже они захрустели, в глазах появилась немецкая геттингенская поволока. «О, я очень хорошо это знать: любить, любить – а потом повесить на берёзе».

Они были в чём-то идеальной парой. Она обожала, когда ей до хруста сжимают пальцы, как бы в экстазе, он любил

сжимать, чтоб хрустело.

О ЛЮБВИ КУЛЬТУРИСТА

Она через несколько лет смогла найти ещё более идеального партнёра. Это был юноша по имени Миша, который на её глазах взматерел донельзя. Научился съесть 11 яиц на завтрак, руки его стали по объёму как талия средних размеров девушки, грудь могла поместиться в женские чашечки лифчика. Он был трогателен когда-то. Юный, гладкий, холёный. Теперь он трогал воображение. Еле ходил. У него ноги с трудом носили его растренированную тушу.

С потенцией возникли проблемы, но он их компенсировал эстетикой монстриозного тела. «Есть ли порох в порохницах, есть ли ягоды в ягодицах?» – задавала моя подруга пикантный вопрос своему возлюбленному. Ответ был незамедлителен. Её заваливали на полированный столик, и вся эта груда мяса и костей взгромождалась на её хрупкую грудь. Грудная клетка её хрустела и скрипела под натиском то ли ягод, то ли пороха, то ли ягодиц. Последнее пыталось взлезть ей на лицо. Прикрыть красоту. Оставить лишь существенное. Если это не получалось – остальное получалось очень редко, он садился на её любимую маленькую подушечку и ёрзал на ней, как победитель. Хорошо им было. Что там немец с хрустом пальцев. Хруст рёбер – вот победная песнь русского медведя! И никаких сантиментов.

Правда, Миша плохо кончил. Объевшись яйцами и спе-

циальным раскормочным питанием для боди-билдингистов, Миша внезапно озверел не на шутку. На него и раньше находило – он иногда любил впасть в немотивированную ярость. Теперь его прихватило на улице, на заснеженном Невском. Он внезапно обхватил случайного прохожего, завалил его на грязный снег, и стал сдавливать, приговаривая: «Чьи в лесу шишки? Мишки! Мишки!». Бедолага не спорил с Мишкой, но последний впал в животный экстаз и сломал несчастью несколько рёбер. Родственники восходящей звезды боди-билдинга заплатили пострадавшему по 100 долларов за ребро, и на этом дело замяли.

ТАЙНА МАЛЕНЬКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Саша родился в семье одиноких страдальцев, и с детства был одиноким страдальцем – не ходил в ясли, не гулял один на улице. Видя других детей, он их даже щипал, не от злости, а от изумления – надо же, живой мальчик, не из телевизора, не из зеркала...

Однажды он в сберкассе взял чистый бланк и положил в карман. Зачем – неясно. Потом они с мамой отправились на детскую площадку.

Там был Сашин двойник – такого же возраста, такого же роста, тоже мальчик – и занимался таким же любимым делом – гонял голубей. Саша ужасно обрадовался, увидев своё подобие, занимающееся знакомым занятием. Дети стали гонять голубей вместе. Голуби, умные, как и подобает домашним животным, снисходительно отнеслись к погнавшимся за ними малышам, они лукаво изображали испуг, бежали мелкими шажками от детей, как бы говоря: «Ох боюсь, боюсь, боюсь, ох, догонит», а когда становилось опасно, вспархивали прямо из под детских ног, чтобы приземлиться поблизости и опять побегать с ними наперегонки, поиграть в салочки.

Сашин двойник в голубом комбинезоне устал, стал пря-

таться за маму. Саша захотел близко подойти, обнять своё ожившее отражение. Голубой малыш совсем испугался и не давался. Тогда Саша достал из кармана бумажку – чистый бланк и стал протягивать её голубому комбинезончику. Двойник убежал. Саша мчался за ним, поминутно заглядывая в бумажный лист. Бумажка как бы служила ему посредником в деле контакта с живым человеком.

Тут набежала целая толпа разнокалиберных человеческих детей, все они не слишком удивлялись присутствию своих маленьких подобий. Один Саша изумлялся и размахивал своей драгоценной бумажкой, словно бы стремясь воздействовать на живого человека своим бумажным законом.

Таков и взрослый интеллигент – без вынесения в бумажный мир он не может полноценно ощущать себя в реальном мире и не может прибирать этот мир к рукам.

КРАСОТА И ПОЛЬЗА

Кот безошибочно среди овощей на кухне выбирал себе хвостатую свёклу, и самозабвенно гонял её по квартире, таскал в зубах, подпрыгивая и распушая хвост. Это был кот с правильными врождёнными инстинктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.